

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Дачники. Максим Горький

СЦЕНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Басов, Сергей Васильевич, адвокат, под 40 лет.

Варвара Михайловна, его жена, 27 лет.

Калерия, сестра Басова, 29 лет.

Влас, брат жены Басова, 25 лет.

Суслов, Петр Иванович, инженер, 42 года.

Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.

Дудаков, Кирилл Акимович, доктор, 40 лет.

Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.

Шалимов, Яков Петрович, литератор, лет 40.

Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.

Марья Львовна, врач, 37 лет.

Соня, дочь ее, 18 лет.

Двоеточие, Семен Семенович, дядя Суслова, 55 лет.

Замыслов, Николай Петрович, помощник Басова, 28 лет.

Зимин, студент, 23 года.

Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.

Кропилкин, сторож.

Саша, горничная Басовых.

Женщина с подвязанной щекой

Господин Семенов

Дама в желтом платье любители

Молодой человек в клетчатом костюме драматического

Барышня в голубом искусства.

Барышня в розовом

Юнкер

Господин в цилиндре

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу; в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. Басов сидит

Дачники. Максим Горький gorkiytext.ru
за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. Варвара Михайловна бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет. В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задевает стул.

Басов. Это кто?

Варвара Михайловна. Я.

Басов. А...

Варвара Михайловна. Ты взял свечу?

Басов. Нет.

Варвара Михайловна. Позвони Сашу.

Басов. Влас приехал?

Варвара Михайловна (у двери на террасу). Не знаю...

Басов. Глупая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит... (Напевает что-то веселое.) Варя, ты ушла?

Варвара Михайловна. Я здесь...

Басов (собирает бумаги, укладывает их). У тебя в комнате дует?

Варвара Михайловна. Дует...

Басов. Вот видишь!

(Саша входит.)

Варвара Михайловна. Дайте огня, Саша.

Басов. Саша, Влас Михайлович приехал?

Саша. Нет еще.

(Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает шторы, берет с полки книгу, садится в кресло.)

Басов (добродушно). Он стал неаккуратен, этот Влас... и ленив... Последнее время он вообще ведет себя... нелепо как-то. Это - факт.

Варвара Михайловна. Ты хочешь чаю?

Басов. Нет, я уйду к Суловым.

Варвара Михайловна. Саша, сходите к Ольге Алексеевне... узнайте, не придет ли она пить чай ко мне...

(Саша уходит.)

Басов (запирая бумаги в столе). Ну, вот и кончено! (Выходит из кабинета, расправляя спину.) Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме...

Варвара Михайловна. Что сказать?

Басов. Ну, чтоб он более... внимательно относился к своим обязанностям... а?

Варвара Михайловна. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем... в этом тоне при Саше...

Басов (осматривает комнату). Это - пустяки! От прислуги все равно ничего не

Дачники. Максим Горький gorkiytaim.ru
скроешь... Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены... Какие-нибудь рамки... картинки... а то, посмотри, как неуютно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

Варвара Михайловна. Ты очень торопишься к Суслову?

Басов. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы... и давно не целовал твою лапку... почему? Вот странно!

Варвара Михайловна (скрывая улыбку). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры... когда у тебя будет более свободное время... Ведь это не важно?

Басов (успокоительно). Ну, конечно! Ведь это я так... что может быть? Ты милая женщина... умная, искренняя... и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня - ты сказала бы... А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездоровится?

Варвара Михайловна. Нет, я здорова.

Басов. Знаешь... надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот все читаешь... очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это - факт!

Варвара Михайловна. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Суслова...

Басов (смеясь). Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое... И сочиняют их какие-то нервно-растерзанные господа. (Зевает.) Вот скоро явится к нам "всамделишный", как дети говорят, писатель: Интересно, каков он стал... вероятно, зазнался немножко... Все эти публичные люди болезненно честолюбивы... вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя - какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она... Н-да! старовата... и ноет всегда, точно у нее хронически зубы болят... и не очень похожа на красавицу...

Варвара Михайловна. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Басов. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни... Да, люблю я поболтать. (За портьерой слышен сухой кашель.) Кто это?

Суслон (за портьерой). Я.

Басов (идет к нему навстречу). А я собирался к тебе!

Суслон (молча здоровается с Варварой Михайловной). Идем. Я пришел за тобой... Ты в городе сегодня не был?

Басов. Нет. А что?

Суслон (криво усмехаясь). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей...

Басов. Ого!

Суслон. У какого-то сильно пьяного купца...

Варвара Михайловна. Как вы всегда говорите...

Суслон. Как?

Варвара Михайловна. Да вот... выиграл деньги - и под- черкиваете - у пьяного.

Суслон (усмехаясь). Я не подчеркиваю.

Басов. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его - это, действительно, скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас. .. ага! вот он... явился!

Дачники. Максим Горький gorikiy@mail.ru

Влас (входит, в руках его старый портфель). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (Суслову, дурачливо, как бы с угрозой.) Вас ищет какой-то человек, очевидно, только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех – где вы живете... (Идет к сестре.) Здравствуй, Варя.

Варвара Михайловна. Здравствуй.

Суслов. Черт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Басов. Значит, неудобно идти к тебе?

Суслов. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Басов (Власу). Пожалуйста ко мне... (Уводит Власа в кабинет.)

Суслов (закуривая). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. Нет... Ваш дядя – бедный?

Суслов. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не люблю?

Варвара Михайловна. Не знаю...

Суслов (желчно покашливая). А этот ваш Замыслов в один подлый день скомпрометирует Сергея, вы увидите! Он – прохвост! Не согласны?

Варвара Михайловна (спокойно). Я не хочу говорить с вами о нем.

Суслов. Ну, что ж... Быть по сему. (Помолчав.) А вот вы – немножко рисуетесь вашей прямоотой... Смотрите, роль прямого человека – трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

Варвара Михайловна. Нет.

Суслов. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

Варвара Михайловна (просто). Я не умею спорить... не умею говорить...

Суслов (угрюмо). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим собой.

Саша (входит). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

Варвара Михайловна. Да, пожалуйста.

Саша. Николай Петрович идут к нам.

(Уходит.)

Суслов (подходя к двери кабинета). Сергей, ты скоро?... Я ухожу...

Басов. Сейчас, сию минуту!

Замыслов (входит). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

Суслов (покашливая). Мое почтение. Каким вы... мотыльком.

Замыслов. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

Суслов (грубовато, с иронией). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане – говорят, вы обыграли кого-то в клубе...

Замыслов (мягко). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл – это говорят о шулере.

Варвара Михайловна. Про вас всегда слышишь что-нибудь сенсационное. Говорят, это

участь недюжинных людей.

Замыслов. По крайней мере сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недюжинности... А выиграл я, к сожалению, немного – сорок два рубля...

(Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.)

Басов (выходя). Только! Я уж мечтал о шампанском... Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь...

Замыслов. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла... чудесно!..

Варвара Михайловна. Мне вообще нравится, как она играет.

Замыслов (с увлечением). Она – талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

Суслов (усмехаясь). А вдруг придется отрезать? Совсем без головы неудобно... Ну, идем, Сергей!.. До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею... (Кланяется Замыслову.)

Басов (заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги). Так завтра к девяти утра вы все это перепишите, – могу надеяться?

Влас. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

(Суслов и Басов уходят.)

Замыслов. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

Варвара Михайловна. Оставайтесь пить чай!

Замыслов. Если позволите, я приду потом. А сейчас – не могу! (Быстро уходит.)

Влас (являясь из кабинета). Варя! В этом доме будут пить чай?

Варвара Михайловна. Позови Сашу. (Кладет ему руки на плечи.) Отчего ты такой измученный?

Влас (третя щекой об ее руку). Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

Варвара Михайловна. Письмоводитель... Это – ниже тебя, Влас!

Влас (дурачливо). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! – примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

Варвара Михайловна. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

Влас (комически возмущаясь). Сударыня! Я принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

Варвара Михайловна. Ты не хочешь говорить серьезно?..

(Саша входит.)

Влас (Саше). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

Саша. Сейчас подам. Котлет угодно?

Влас. И котлет и всего прочего, им подобного...жду!

(Саша уходит.)

Влас (обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате). Ну, ты что?

Варвара Михайловна. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Все кажется чужим... скрытно враждебным тебе... все такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... балагуришь... шутишь...

Влас (комически становясь перед нею в позу).

Не укоряй меня, мой друг,

За то, что часто я шучу:

Веселой шуткой мой недуг

Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца: они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был серьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех ближних своих одноглазыми.

(Входит Саша с чайной посудой и ловко суетится около стола. Слышна трещотка ночного сторожа.)

Варвара Михайловна. Брось, Влас! Не надо болтать.

Влас. Хорошо – сказал он – и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписывая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить... Варвара Михайловна. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим языком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

Влас (задумчиво). Да... понимаю... Но – никуда ты не уйдешь, Варя!

Варвара Михайловна. А может быть, уйду. (Пауза. Саша вносит самовар.) Вероятно, завтра приедет Шалимов. ..

Влас (зевая). Не люблю я его последних писаний – пусто, скучно, вяло.

Варвара Михайловна. Я видела его однажды на вечере... я была гимназисткой тогда... Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый... непокорные, густые волосы, лицо – открытое, смелое... лицо человека, который знает, что он любит и что ненавидит... знает свою силу... Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди... Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб... и вдохновенные глаза его помню... Прошло шесть-семь – нет, уже восемь лет...

Влас. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слышал, большие мастера по части совращения женщин...

Варвара Михайловна. Это нехорошо, Влас, это – пошло!

Влас (просто, искренно). Ну, не сердись, Варя!

Варвара Михайловна. Ты пойми... я жду его... как весну! Мне нехорошо жить...

Влас. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехорошо... совестно как-то жить... неловко... и не понимаешь, что же будет дальше?..

Варвара Михайловна. О да, Влас, да! Но зачем ты...

Влас. Паясничаю?.. Я не люблю, когда другие видят, что мне нехорошо...

Калерия (входит). Какая чудесная ночь! А вы сидите тут – и у вас пахнет угаром.

Влас (встряхиваясь). Мое почтение, Абстракция Васильевна!

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Калерия. В лесу так тихо, задумчиво... славно! Луна – ласковая, тени густые и теплые... День никогда не может быть красивее ночи...

Влас (в тон ей). О да! Старушки всегда веселее, чем девушки, и раки летают быстрее, чем ласточки...

Калерия (садясь за стол). Вы ничего не понимаете! Варя, налей мне чаю... Никто не был у нас?

Влас (поучительно-дурачливо). Никто – не может быть или не быть... ибо никто – не существует.

Калерия. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

(Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебирает там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка ночного сторожа и тихий свист.)

Варвара Михайловна. К тебе приходила Юлия Филипповна...

Калерия. Ко мне? Ах, да... по поводу спектакля...

Варвара Михайловна. Ты была в лесу?

Калерия. Да. Я встретила Рюмина... он много говорил о тебе...

Варвара Михайловна. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь...

(Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.)

Варвара Михайловна (вздыхая). Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине трагическая обязанность мужчины...

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение...и, правда, много уделяла ему внимания... Потом я увидала, к чему это ведет... тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он...

(Пауза.)

Калерия. Его любовь должна быть теплой и бессильной... вся – в красивых словах... и без радости. А любовь без радости – для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна (удивленно). Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то не-стройное... А когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (выходит из кабинета, грустно, потрясая пачкой бумаги). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем – не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Дачники. Максим Горький gorkiy.mos.ru
Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты – сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учись любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете, – вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость – такое же уродство, как горб... Глупые люди похожи на хромых...

Влас (в тон ей). Хромые – на ваши афоризмы...

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми, и почти всегда они блондины...

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики – слепы и глухи... очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы наслаждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение...

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть – это полезнее.

Калерия. Я поиграю – это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу... Ольга идет...

(Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая, испуганная птица, сбрасывает с головы серую шаль.)

Ольга Алексеевна. Вот и я... едва вырвалась! (Целует Варвару Михайловну.) Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись... Налить чаю? Почему я так долго не шла?

Ольга Алексеевна (нервно). Подожди! Там, на воле – жутко... и кажется, что в лесу притаился кто-то... недобрый... Свистят сторожа, и свист такой... насмешливопечальный... Зачем они свистят?

Влас. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

Ольга Алексеевна. Мне хотелось поскорее придти к тебе... а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей... Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него... потом нужно было выкупать Соню... Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный... А тут приехал муж из города и чем-то раздражен... молчит, нахмурился... Я совершенно завертелась, право... Эта новая горничная – чистое наказание! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

Варвара Михайловна (улыбаясь). Бедная ты моя... славная моя! Устаешь ты...

Влас. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом – оттого-то у тебя все перепекается или недопечено... какие мудрые слова!

Калерия. Только звучат скверно: перепе – фи!

Влас. Прошу извинить – русский язык сочинил не я!

Ольга Алексеевна (немного обиженная). Вам, конечно, смешно слушать все это... вам скучно... я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит... Дети... когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит... дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

Варвара Михайловна. Ты прости меня, – мне все кажется, что ты преувеличиваешь...

Ольга Алексеевна (возбужденно). Нет, не говори! Ты не можешь судить... Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить... А что я скажу?

Влас. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадаются, как именно надо жить...

Ольга Алексеевна. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

Влас (негромко, но серьезно). Нужно быть человеком...

(Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.)

Варвара Михайловна. Перестань, Влас! (Встает и медленно отходит от стола к двери на террасу.)

Калерия (мечтательно). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (Тоже встает из-за рояля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.)

Ольга Алексеевна. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя? иди ко мне... а то я подумаю, что тебе тяжело со мной.

Варвара Михайловна (быстро подходит). Какой вздор, Ольга! Мне просто стало невыносимо жалко...

Ольга Алексеевна. Не надо... Знаешь, я сама иногда чувствую себя противной... и жалкой... мне кажется, что душа моя вся сморщилась и стала похожа на старую маленькую собачку... бывают такие комнатные собачки... они злые, никого не любят и всегда хотят незаметно укусить...

Калерия. Восходит солнце и заходит, – а в сердцах людей всегда сумерки.

Ольга Алексеевна. Вы что?

Калерия. Я?.. Это... так я, сама с собой беседую.

Влас (в кабинете гнусаво поет на голос "Вечная память"). Семейное счастье... семейное счастье...

Варвара Михайловна. Влас, прошу тебя, молчи!

Влас. Молчу...

Ольга Алексеевна. Это я его настроила...

Калерия. Из леса вышли люди. Смотрите, как это красиво! И как смешно размахивает руками Павел Сергеевич...

Варвара Михайловна. Кто с ним еще?

Калерия. Марья Львовна... Юлия Филипповна... Соня, Зимин... и Замыслов.

Ольга Алексеевна (кутается в шаль). А я такая замухрышка! Эта франтиха Суслова посмеется надо мной... Вот не люблю ее!

Варвара Михайловна. Влас, позвони Сашу.

Влас. Вы, патронесса, отрываете меня от моих прямых обязанностей – так и знайте!

Ольга Алексеевна. Эта великолепная барыня... совсем не занимается детьми, и – странно: они у нее всегда здоровы.

Марья Львовна (входит в дверь с террасы). Ваш муж сказал, что вам нездоровится, – правда? Что с вами, а?

Варвара Михайловна. Я рада, что вы зашли, но я здорова...

(На террасе шум, смех.)

Марья Львовна. Лицо немножко нервное... (Ольге Алексеевне.) И вы здесь? Я не видала вас так давно...

Ольга Алексеевна. Как будто вам приятно видеть меня... всегда такую кислую...

Марья Львовна. А если мне нравится кислое? Как ваши детки?

Юлия Филипповна (входит с террасы). Вот сколько я привела вам гостей! Но вы не сердитесь – мы скоро уйдем. Здравствуйте, Ольга Алексеевна. .. А почему же не входят мужчины? Варвара Михайловна, там Павел Сергеевич и Замыслов. Я позову их, можно?

Варвара Михайловна. Конечно!

Юлия Филипповна. Идемте, Калерия Васильевна.

Марья Львовна (Власу). Вы похудели, отчего?

Влас. Не могу знать!

Саша (входя в комнату). Подогреть самовар?

Варвара Михайловна. Пожалуйста... и поскорее.

Вместе.

Марья Львовна (Власу). А зачем вы гримасничаете?

Ольга Алексеевна. Он всегда...

Влас. Такая специальность у меня!

Марья Львовна. Все стараетесь быть остроумным? Да? и все неудачно?... Дорогая моя Варвара Михайловна, Павел Сергеевич ваш окончательно погружается в прострацию...

Варвара Михайловна. Почему же мой?

(Входит Рюмин. Потом Юлия Филипповна и Калерия. Влас, нахмурившись, идет в кабинет и затворяет за собою дверь. Ольга Алексеевна отводит Марью Львовну налево и что-то неслышно говорит ей, указывая на грудь.)

Рюмин. Вы извините за такое позднее вторжение...

Варвара Михайловна. Я рада гостям...

Юлия Филипповна. Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью... Но если бы вы слышали, как они спорили, он и Марья Львовна!

Рюмин. Я не умею говорить спокойно о том... что так важно, необходимо

ВЫЯСНИТЬ...

(Саша вносит самовар. Варвара Михайловна – у стола – тихо отдает ей какие-то приказания, готовит посуду для чая. Рюмин, стоя у рояля, смотрит на нее задумчиво и упорно.)

Юлия Филипповна. Вы очень нервны, это мешает вам быть убедительным! (Варваре Михайловне.) Ваш муж сидит с моим орудием самоубийства, пьют коньяк, и у меня такое предчувствие, что они изрядно напьются. К мужу неожиданно приехал дядя – какой-то мясоторговец или маслодел, вообще фабрикант, хохочет, шумит, седой и кудрявый... забавный! А где же Николай Петрович? Благоразумный рыцарь мой?..

Замыслов (с террасы). Я здесь, Инезилья, стою под окном...

Юлия Филипповна. Идите сюда. Что вы там говорили?

Замыслов (входя). Развращал молодежь... Соня и Зимин убеждали меня, что жизнь дана человеку для ежедневного упражнения в разрешении разных социальных, моральных и иных задач, а я доказывал им, что жизнь искусство! Вы понимаете, жизнь – искусство смотреть на все своими глазами, слышать своими ушами...

Юлия Филипповна. Это – вздор!

Замыслов. Я его сейчас только выдумал, но чувствую, что это останется моим твердым убеждением! Жизнь – искусство находить во всем красоту и радость, даже искусство есть и пить... Они ругаются, как вандалы.

Юлия Филипповна. Калерия Васильевна... Прекратите болтовню!

Замыслов. Калерия Васильевна! Я знаю, вы любите все красивое – почему вы не любите меня? Это ужасное противоречие.

Калерия (улыбаясь). Вы такой... шумный, пестрый...

Замыслов. Гм... но теперь не в этом дело... Мы – я и эта прекрасная дама...

Юлия Филипповна. Перестаньте же! Мы пришли...

Замыслов (кланяясь). К вам!

Юлия Филипповна. Чтобы просить...

Замыслов (кланяясь еще ниже). Вас!

Юлия Филипповна. Я не могу! Пойдемте в вашу милую, чистую комнатку... я так люблю ее...

Замыслов. Пойдемте! Здесь все мешает нам.

Калерия (смеясь). Идемте!

(Идут ко входу в коридор.)

Юлия Филипповна. Пойдите! Вы представьте: фамилия дяди мужа Двоеточие!

Замыслов (дважды тычет пальцем в воздух). Понимаете? Двоеточие!

(Смеясь, скрываются за портьерой.)

Ольга Алексеевна. Какая она всегда веселая, а ведь я знаю, – живется ей не очень... сладко... С мужем она...

Варвара Михайловна (сухо). Это не наше дело, Оля, мне кажется...

Ольга Алексеевна. Разве я говорю что-нибудь дурное?

Рюмин. Как теперь стали часты семейные драмы...

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Соня (выглядывая в дверь). Мамашка! Я ухожу гулять...

Марья Львовна. Еще гулять?

Соня. Еще! Тут так много женщин, а с ними всегда невыносимо скучно...

Марья Львовна (шутя). Ты – осторожнее... Твоя мать – тоже женщина...

Соня (вбегая). Мамочка! Неужели? давно?

Ольга Алексеевна. Что она болтает!

Варвара Михайловна. И хоть бы поздоровалась!

Марья Львовна. Сонька! Ты неприлична!

Соня (Варваре Михайловне). Да ведь мы видели сегодня друг друга? Но я с наслаждением поцелую вас... я добра и великодушна, если это мне доставляет удовольствие... или по крайней мере ничего не стоит...

Марья Львовна. Сонька! Перестань болтать и убирайся.

Соня. Нет, какова моя мамашка! Вдруг назвала себя женщиной! Я с ней знакома восемнадцать лет и первый раз слышу это! Это знаменательно!

Зимин (просовывая голову из-за портьеры). Да вы идете или нет?

Соня. Рекомендую – мой раб!

Варвара Михайловна. Вы что же не входите?.. Пожалуйста.

Соня. Он невозможен в приличном обществе.

Зимин. Она оторвала мне рукав у тужурки – вот и все!..

Соня. И только! Этого ему мало, он недоволен мной... Мамашка, я за тобой зайду, хорошо? А теперь иду слушать, как Макс будет говорить мне о вечной любви...

Зимин. Как же... Дождитесь!

Соня. Посмотрим, юноша! До свиданья. Луна еще есть?

Зимин. И я не юноша... В Спарте... Позвольте, Соня, зачем же толкать человека, который...

Соня. Еще не человек... вперед – Спарта!

(Их голоса и смех долго звучат где-то около дома.)

Рюмин. Славная дочь у вас, Марья Львовна.

Ольга Алексеевна. Когда-то и я была похожа на нее...

Варвара Михайловна. Мне нравится, как вы относитесь друг к другу... славно! Садитесь чай пить, господа!

Марья Львовна. Да, мы друзья

Ольга Алексеевна. Друзья... как это достигается?

Марья Львовна. Что?

Ольга Алексеевна. Дружба детей.

Марья Львовна. Да очень просто: нужно быть искренней с детьми, не скрывать от них правды... не обманывать их.

Рюмин (усмехаясь). Ну, это, знаете, рискованно! Правда груба и холодна, и в ней

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
всегда скрыт тонкий яд скептицизма... Вы сразу можете отравить ребенка, открыв перед ним всегда страшное лицо правды.

Марья Львовна. А вы предпочитаете отравлять его постепенно?.. Чтобы и самому не заметить, как вы изуродуете человека?

Рюмин (горячо и нервно). Позвольте! Я этого не говорил! Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые одежды, прежде чем сбросить старые...

Марья Львовна. О чем вы говорите? – не понимаю!..

Рюмин. О праве человека желать обмана!.. Вы часто говорите – жизнь! Что такое – жизнь? Когда вы говорите о ней, она встает предо мной, как огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв ему, жертв людьми! Она изо дня в день пожирает мозг и мускулы человека, жадно пьет его кровь. (Все время Варвара Михайловна внимательно слушает Рюмина, и постепенно на лице ее появляется выражение недоумевающее. Она делает движение, как бы желая остановить Рюмина.) Зачем это? Я не вижу в этом смысла, но я знаю, что чем более живет человек, тем более он видит вокруг себя грязи, пошлости, грубого и гадкого... и все более жаждет красивого, яркого, чистого!.. Он не может уничтожить противоречий жизни, у него нет сил изгнать из нее зло и грязь, – так не отнимайте же у него права не видеть того, что убивает душу! Признайте за ним право отвернуться в сторону от явлений, оскорбляющих его! Человек хочет забвения, отдыха... мира хочет человек!

(Встречая взгляд Варвары Михайловны, он вздрагивает и останавливается.)

Марья Львовна (спокойно). Он обанкротился, ваш человек? Очень жаль... Только этим и объясняете вы его право отдыхать в мире? Нелестно.

Рюмин (Варваре Михайловне). Простите, что я... так раскричался! Вам, я вижу, неприятно...

Варвара Михайловна. Не потому, что вы так нервны...

Рюмин. А почему же? Почему?

Варвара Михайловна (медленно, очень спокойно). Я помню, года два тому назад, вы говорили совсем другое... и так же искренно... так же горячо...

Рюмин (взволнованно). Растет человек, и растет мысль его!

Марья Львовна. Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая, темная мысль!..

Рюмин (все так же волнуясь). Она поднимается спиралью, но она поднимается все выше! Вы, Марья Львовна, подозреваете меня в неискренности, да?..

Марья Львовна. Я? нет! Я вижу: вы искренно... кричите... и, хотя для меня истерика не аргумент, я все же понимаю – вас что-то сильно испугало... вы хотели бы спрятаться от жизни... И я знаю: не один вы хотите этого, людей испуганных не мало...

Рюмин. Да, их много, потому что люди все тоньше и острее чувствуют, как ужасна жизнь! В ней все строго предопределено... и только бытие человека случайно, бессмысленно... бесцельно!..

Марья Львовна (спокойно). А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, – вот ваша жизнь и получит смысл...

Ольга Алексеевна. Боже мой! Когда при мне говорят что-нибудь строгое, обвиняющее... я вся съеживаюсь... точно это про меня говорят, меня осуждают! как мало в жизни ласкового! Мне пора домой! У тебя хорошо, Варя... всегда что-нибудь услышишь, вздрогнешь лучшей частью души... Поздно уже, надо идти домой...

Варвара Михайловна. Сиди, голубчик! Чего ты так?.. вдруг? Если будет нужно,

пришлют за тобой.

Ольга Алексеевна. Да, пришлют... Ну, хорошо, я посижу. (Идет и садится на диван с ногами, сжимаясь в комок.

Рюмин нервно барабанит пальцами по стеклу, стоя у двери на террасу.)

Варвара Михайловна (задумчиво). Странно мы живем! Говорим, говорим – и только! Мы накопили множество мнений... мы с такой... нехорошей быстротой принимаем их и отвергаем... А вот желаний, ясных, сильных желаний нет у нас... нет!

Рюмин. Это по моему адресу? да?

Варвара Михайловна. Я говорю о всех. Неискренно, некрасиво, скучно мы живем...

Юлия Филипповна (быстро входит, за нею Калерия). Господа! Помогите мне...

Калерия. Право, это лишнее!

Юлия Филипповна. Она написала новые стихи и дала мне слово прочитать их на нашем вечере в пользу детской колонии... Я прошу прочитать сейчас, здесь! Господа, просите!

Рюмин. Прочитайте! Люблю я ваши ласковые стихи...

Марья Львовна. Послушала бы и я. В спорах – грубеешь. Прочитайте, милая.

Варвара Михайловна. Что-нибудь новое, Калерия?

Калерия. Да. Проза. Скучно.

Юлия Филипповна. Ну, дорогая моя, прочитайте! Что вам стоит? Пойдемте за ними! (Уходит, увлекая Калерию.)

Марья Львовна. А где же... Влас Михайлович?

Варвара Михайловна. Он в кабинете. У него много работы.

Марья Львовна. Я с ним немножко резко обошлась... Досадно видеть его только шутником, право!

Варвара Михайловна. Да, обидно это. Знаете, если бы вы немножко мягче с ним!.. Он – славный... Его многие учили, но никто не ласкал.

Марья Львовна (улыбаясь). Как всех... как всех нас... И оттого все мы грубы, резки...

Варвара Михайловна. Он жил с отцом, всегда пьяным... Тот его бил...

Марья Львовна. Пойду к нему. (Идет к двери в кабинет, стучит и входит.)

Рюмин (Варваре Михайловне). Вы всё ближе сходите с Марьей Львовной, да?

Варвара Михайловна. Она мне нравится...

Ольга Алексеевна (негромко). Как она строго говорит обо всем... как строго.

Рюмин. Марья Львовна в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и холодной жестокостью... Как это может нравиться?..

Дудаков (входит из коридора). Мое почтение, извините... Ольга, ты здесь? Скоро домой?

Ольга Алексеевна. Хоть сейчас. Ты гулял?

Варвара Михайловна. стакан чаю, Кирилл Акимович?

Дудаков. Чай? Нет. На ночь не пью... Павел Сергеевич, мне бы вас надо... можно к

вам завтра?

Рюмин. Пожалуйста.

Дудаков. Это насчет колонии малолетних преступников. Они опять там накуролесили... черт их дери! Бьют их там... черт побери! Вчера в газетах ругали нас с вами...

Рюмин. Я, действительно, давно не был в колонии... Как-то все некогда...

Дудаков. Д-да... И вообще... некогда всем... Хлопот у всех много, а дела - нет... почему? Я вот... устаю очень. Шлялся сейчас по лесу - и это успокаивает... несколько... а то - нервы у меня взвинчены...

Варвара Михайловна. У вас лицо осунулось.

Дудаков. Возможно. И сегодня неприятность... Этот осел, голова, упрекает: неэкономно! Больные много едят, и огромное количество хины... Болван! Во-первых, это не его дело... А потом, осуши улицы нижней части города, и я не трону твоей хины... Ведь не пожирю я эту хину сам? Терпеть не могу хины... и нахалов...

Ольга Алексеевна. Стоит ли, Кирилл, раздражаться из-за таких мелочей? Право, пора привыкнуть.

Дудаков. А если вся жизнь слагается из мелочей? И что значит привыкнуть?... К чему? К тому, что каждый идиот суется в твое дело и мешает тебе жить?... Ты видишь: вот... я и привыкаю. Голова говорит - нужно экономить... ну, я и буду экономить! То есть это не нужно и это вредно для дела, но я буду... У меня нет частной практики, и я не могу бросить это дурацкое место...

Ольга Алексеевна (укоризненно). Потому что большая семья? Да, Кирилл? Я это не однажды слышала от тебя... и здесь ты мог бы не говорить об этом... Бестактный, грубый человек! (Накинув шаль на голову, быстро идет к комнате Варвары Михайловны.)

Варвара Михайловна. Ольга! Что ты?! Ольга Алексеевна (почти рыдая). Ах,пусти,пусти меня!.. Я это знаю! Я слышала...

(Они обе скрываются в комнате Варвары Михайловны.)

Дудаков (растерянно). Вот! И... совершенно не имел в виду... Павел Сергеевич, вы меня извините... Это совершенно случайно... Я так... смущен... (Быстро уходит, сталкиваясь в дверях с Калерией, Юлией Филипповной и Замысловым.)

Юлия Филипповна. Доктор чуть не опрокинул нас! Что с ним?

Рюмин. Нервы... (Варвара Михайловна входит.) Ольга Алексеевна ушла?

Варвара Михайловна. Ушла... да...

Юлия Филипповна. Не доверяю я этому доктору... Он такой... нездоровый, заикается, рассеянный... Засовывает в футляр очков чайные ложки и мешает в стакане своим молоточком... Он может напутать в рецепте и дать чего-нибудь вредного.

Рюмин. Мне кажется, он кончит тем, что пустит себе пулю в лоб.

Варвара Михайловна. Вы говорите это так спокойно...

Рюмин. Самоубийства часты среди докторов.

Варвара Михайловна. Слова волнуют нас больше, чем люди... Вы не находите?

Рюмин (вздрагнув). О, Варвара Михайловна!

(Калерия садится за рояль. Замыслов около нее.)

Замыслов. Вам удобно?

Калерия. Спасибо...

Замыслов. Господа, внимание!

(Входят Марья Львовна и Влас, очень оживленные.)

Влас. Ото! Будут читать стихи, да?

Калерия (с досадой). Если вы хотите слушать, вам придется перестать шуметь...

Влас. Умри, все живое!

Марья Львовна. Молчим... Молчим...

Калерия. Очень рада. Это стихотворение в прозе. Со временем к нему напишут музыку.

Юлия Филипповна. Мелодекламация! Как это хорошо! Люблю! Люблю все оригинальное... Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как открытые письма с картинками, автомобили...

Влас (в тон ей). Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция...

Калерия (громко и сухо). Вы мне позволите начать? (Все быстро усаживаются. Калерия тихо перебирает клавиши.) Это называется "Эдельвейс". "Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие – мудрое молчание гордых высот. Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин. У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин человек. В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шепот любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд – не смущают тяжелые вздохи людей. Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие мудрое молчание гордых высот. Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, – у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок – эдельвейс... А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и трепетно звезды горят... И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем – одинокий цветок эдельвейс".

(Пауза. Все, задумавшись, молчат. Далеко звучат трещотка сторожа и тихий свист. Калерия, широко открыв глаза, смотрит прямо перед собой.)

Юлия Филипповна (негромко). Как это хорошо! Грустно... чисто...

Замыслов. Слушайте! Это надо читать в костюме – белом... широком... и пушистом, как эдельвейс! Вы понимаете? Это будет безумно красиво! Великолепно!

Влас (подходя к роялю). И мне нравится, право! (Сконфуженно смеется.) Нравится! Хорошо!.. Точно – клюквенный морс в жаркий день!

Калерия. Уйдите!

Влас. Да я ведь искренно, вы не сердитесь!

Саша (входит). Господин Шалимов приехали.

(Общее движение. Варвара Михайловна идет к дверям и останавливается при виде входящего Шалимова. Он лысый.)

Шалимов. Я имею удовольствие видеть...

Варвара Михайловна (тихо, не сразу). Пожалуйста... прошу вас... Сергей сейчас придет...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берез. На первом плане с левой стороны две сосны, под ними круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковиной, от нее – справа налево – дорога на дачу Сулова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых Калерия играет на рояле. Пустобайка медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. Кропилкин с ружьем за плечами стоит около елей.

Кропилкин. А ту дачу – кто ныне снял?

Пустобайка (угрюмо, густым голосом). Инженер Сулов.

Кропилкин. Всё новые?

Пустобайка. Чего?

Кропилкин. Всё новые, мол. Не те, что в прошлом году жили...

Пустобайка (вынимая трубку). Всё одно. Такие же.

Кропилкин (вздыхает). Оно конечно... все – господа... эхе-хе!..

Пустобайка. Дачники – все одинаковые. За пять годовя их видал – без счету. Они для меня – вроде как в ненастье пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет... Так-то...

(Из-за угла дачи Басова, шумя и смеясь, проходит по дороге в лес группа молодежи с мандолинами, балалайками и гитарами.)

Кропилкин. Ишь ты... музыка! Тоже, видно, представлять собираются?..

Пустобайка. И будут... чего им! Народ – сытый...

Кропилкин. Вот никогда я не видал, как господа представляют... чай, смешно? Ты видал?

Пустобайка. Я – видал. Я, брат, все видал...

(Справа доносится гулкий хохот Двоеточия.)

Кропилкин. Ну? Как же они?

Пустобайка. Очень просто: нарядаются не в свою одежду и говорят... разные слова, кому какое приятно... Кричат, суетятся, будто что-то делают... будто сердятся... Ну, обманывают друг дружку. Один представляется – я, дескать, честный, другой – а я умный... или там – я-де несчастный... кому что кажется подходящим... он то и представляет...

(Кто-то на левой стороне свистит собаку и кричит: "Баян! Баян!" Пустобайка колотит по скамье обухом топора.)

Кропилкин. Ах ты... сделай милость! Н-да... И песни поют?

Пустобайка. Песен они мало поют... Инженерова жена верещит когда... ну, голос у ней – жидкий.

Кропилкин. Идут господа...

Пустобайка. Ну, и пускай идут...

(Двоеточие выходит с правой стороны около сцены, за ним Сулов.)

Двоеточие (добродушно). Ты надо мной не смейся... куда тебе! Тебе, понимаешь, едва сорок минуло, а ты – лысый, а мне под шестьдесят – однако я кудрявый, хоть

и седой – что? Хо-хо!

(Пустобайка все время лениво и неуклюже возится около сцены со скамьями. Кропилкин осторожно отходит за сцену.)

Суслов. Ваше счастье... Продолжайте, я слушаю...

Двоеточие. Давай сядем. Так вот – явились, значит, немцы... У меня заводилошко старый, машины – дрянь, а они, понимаешь, всё новенькое поставили, – ну, товар у них лучше моего и дешевле... Вижу – дело мое швах, подумал – лучше немца не сделаешь... Ну, и решил – продам всю музыку немцам. (Задумчиво молчит.)

Суслов. Всё продали?

Двоеточие. Дом в городе оставил... большой дом, старый... А дела теперь у меня нет, только одно осталось – деньги считать... хо-хо! хо-хо! Такой старый дурак, если говорить правду... Продал, знаешь, и сразу почувствовал себя сиротой... Стало мне скучно, и не знаю я теперь, куда мне себя девать? Понимаешь: вот – руки у меня... Раньше я их не замечал... а теперь вижу – болтаются ненужные предметы... (Смеется. Пауза. Варвара Михайловна выходит на террасу и, заложив руки за спину, медленно, задумавшись, ходит.) Вон Басова жена вышла. Экая женщина... магнит! Кабы я годков на десять моложе был...

Суслов. Ведь вы... кажется... женаты?

Двоеточие. Был. И неоднократно... Но – которые жены мои померли, которые сбежали от меня... И дети были... две девочки... обе умерли... Мальчонка тоже... утонул, знаешь... Насчет женщин я очень счастлив был... всё у вас, в России, добывал их... очень легко у вас жен отбивать! Плохие вы мужья... Приеду, бывало, посмотрю туда-сюда – вижу, понимаешь, женщина, достойная всякого внимания, а муж у нее – какое-то ничтожество в шляпе... Ну, сейчас ее и приберешь к рукам... хо-хо! (Влас выходит на террасу из комнат, стоит и смотрит на сестру.) Да, все это было... а теперь – ничего вот нет... ничего и никого... понимаешь...

Суслов. Как же вы... думаете жить?

Двоеточие. Не знаю. Посоветуй! А чепуха, брат, эта твоя ботвинья... и поросенок тоже... есть поросенка летом – это называется анахронизм...

Влас. Ну, что, Варя?

Варвара Михайловна. Ничего... так... жалкий человек я... да?

Влас (обнимает ее за талию). Хочется сказать тебе что-то ласковое... да не знаю, как это говорится... не знаю...

Варвара Михайловна. Оставь меня, милый...

Двоеточие. Вон к нам господин Чернов идет...

Суслов. Шут гороховый...

Двоеточие. Бойкий паренек, а бездельник, видимо...

Влас (подходя). Кого это вы?

Двоеточие. А вот племянника, хо-хо! Да и вы тоже, видать, не очень деловиты, а?

Влас. Насколько я успел узнать вас, почтеннейший Семен Семенович, под словом дело вы подразумеваете выжимание соков из ближних ваших? В этом смысле я еще не деловит... увы!

Двоеточие. Хо-хо! Вы не горюйте! В юности, понимаете, это трудненько: совесть еще не окрепла, и в голове кирель розовый вместо мозгов. А созреете, и преудобно воссядете на чьей-нибудь шее, хо-хо! На шее ближнего всего скорее доедешь к благополучию своему.

Влас. Вы, несомненно, человек опытный в такой езде... верю вам! (Кланяется и

уходит.)

Двоеточие. Хо-хо! Отбрил и доволен! Миляга: Чай, поди-ка, героем себя чувствует... Ну, ничего, пускай потешится молодая душа. (Опустив голову, сидит молча.)

Калерия (выходит на террасу). Ты все еще не можешь помириться?

Варвара Михайловна (негромко). Нет, не могу...

Калерия. Кого ты будешь ждать теперь?

Варвара Михайловна (задумчиво). Не знаю... не знаю.

(Калерия, пожимая плечами, сходит с террасы, идет налево, скрывается за углом дачи.)

Двоеточие. Н-да! Ну, так что же, Петруха... как же я буду жить-то?

Суслов. Это не решается сразу... надо подумать...

Двоеточие. Не решается? Хо-хо! Эх ты... Что?

Суслов. Ничего... Я ничего не говорю.

Двоеточие. Ничего и не скажешь, видно.

(Справа из лесу идут Басов и Шалимов, раскланиваясь, проходят под сосну, садятся у стола, у Басова на шее полотенце.) Вот - и писатель с адвокатом идут... Гуляете?

Басов. Купались.

Двоеточие. Холодно?

Басов. В меру.

Двоеточие. Пойти и мне поплавать. Пойдем, Петр, может, я утону, наследство скорее получишь, а?

Суслов. Нет, я не могу. Мне вот с ними нужно поговорить.

Двоеточие. А я пойду. (Встает и уходит направо в лес. Суслов смотрит вслед ему и, усмехаясь, идет к Басову.)

Басов. Варя, скажи, чтобы нам бутылочку пива дали... нет, лучше три бутылочки... Ну, что, как твой дядя?

(Варвара Михайловна уходит в комнаты.)

Суслов. Надоедает понемногу...

Басов. Да... эти старики не забавны...

Суслов. Он, должно быть, хочет жить со мной...

Басов. Дядя-то? Мм-да... Ну, а ты как?

Суслов. Да... черт знает! Вероятно, будет так, как он хочет.

(Саша приносит пиво.)

Басов. Ты что, Яков, молчишь?

Шалимов. Раскис немного... Забыл я, как зовут эту воинственную даму?

Басов. Марья Львовна. .. Эх, Петр, какая, брат, сегодня у нас за обедом разыгралась словесная война!

Суслов. Конечно, Марья Львовна. ..

Шалимов. Свирепая женщина, скажу вам...

(Варвара Михайловна снова выходит на террасу.)

Суслов. Не люблю я ее.

Шалимов. Я человек мягкий, но, скажу вам по правде, едва не наговорил ей дерзостей.

Басов (смеясь). А она тебе наговорила.

Шалимов (Суслову). Вы поставьте себя на мое место: человек что-то там пишет, волнуется... наконец, устает, скажу вам просто. Приезжает к приятелю отдохнуть, пожить нараспашку, собраться с мыслями... и вдруг – является дама и начинает исповедовать: как веруете, на что надеетесь, почему не пишете о том-то и зачем молчите об этом? Потом она говорит, что это у вас неясно, это неверно, это некрасиво... Ах, да напишите вы, матушка, сами так, чтобы оно было и ясно, и верно, и красиво! Напишите гениально, только дайте мне отдохнуть!.. ф-фу!

Басов. Это надо терпеть, мой друг. Проезжая по Волге, обязательно едят стерляжью уху, а при виде писателя – всякий хочет показать себя умницей; это надо терпеть.

Шалимов. Неделикатно это... неумно! Она часто бывает у тебя?

Басов. Нет... то есть да, частенько! Но я ведь тоже не очень ее жалею... Она такая прямолинейная, как палка... Это жена с ней в дружбе... и она очень портит мне жену. (Оглядывается на террасу и видит Варвару Михайловну). Варя... ты здесь?

Варвара Михайловна. Как видишь.

(Замыслов и Юлия Филипповна быстро идут по дороге от дачи

Суслова. Смеются. Шалимов, усмехаясь, смотрит на смущенного Басова.)

Замыслов. Варвара Михайловна! Мы устраиваем пикник... Едем в лодках...

Юлия Филипповна. Дорогая моя, здравствуйте!

Варвара Михайловна. Идемте в комнаты.

(Скрываются в комнатах. Суслов встал и медленно идет за ними.)

Замыслов. А Калерия Васильевна дома?

Шалимов (смеясь). Ты, кажется, побаиваешься жены, Сергей?

Басов (вздыхает). Ну, пустяки. Она у меня... хороший человек!

Шалимов (усмехаясь). Почему же ты так грустно сказал это?

Басов (вполголоса, кивая головой на Суслова). Ревнует... к моему помощнику... Понимаешь? А жена у него, – ты обрати внимание, интереснейшая женщина!

(В глубине поляны проходят Соня и Зимин.)

Шалимов. Да? Посмотрим... Хотя эта Марья Львовна сильно отбивает охоту знакомиться со здешними женщинами, скажу тебе!

Басов. Эта, брат, совсем в другом стиле. Эта – о! Ты увидишь... (Пауза.) А давно ты ничего не печатал, Яков. Пишешь что-нибудь большое?

Шалимов (ворчливо). Ничего я не пишу... скажу прямо... Да! И какого тут черта напишешь, когда совершенно ничего понять нельзя? Люди какие-то запутанные, скользкие, неуловимые...

Басов. А ты так и пиши – ничего, мол, не понимаю! Главное, брат, в писателе искренность.

Шалимов. Спасибо за совет!.. Искренность... не в этом дело, друг мой! Искренно-то я, может быть, одно мог бы сделать: бросить перо и, как Диоклетиан, капусту садить... (Нищие тихо поют за углом дачи Басова: "Благодетели и кормильцы, милостыньку Христа ради, для праздничка Христова, поминаючи родителей". Из-за сцены появляется Пустобайка – идет гнать нищих.) Но – надо кушать, значит, надо писать. А для кого? Не понимаю... Нужно ясно представить себе читателя, какой он? Кто он? Лет пять назад я был уверен, что знаю читателя... и знаю, чего он хочет от меня... И вдруг, незаметно для себя, потерял я его... Потерял, да. В этом драма, пойми! Теперь вот, говорят, родился новый читатель... Кто он?

Басов. Я тебя не понимаю... Что это значит – потерять читателя? А я... а все мы – интеллигенция страны – разве мы не читатели? Не понимаю... Как же нас можно потерять? а?

Шалимов (задумчиво). Конечно... интеллигенция – я не говорю о ней... да... А вот есть еще... этот... новый читатель.

Басов (трясет головой). Ну? Не понимаю.

Шалимов. И я не понимаю... но чувствую. Иду по улице и вижу каких-то людей... У них совершенно особенные физиономии... и глаза... Смотрю я на них и чувствую: не будут они меня читать... не интересно им это... А зимой читал я на одном вечере и тоже... вижу – смотрит на меня множество глаз, внимательно, с любопытством смотрят, но это чужие мне люди, не любят они меня. Не нужен я им... как латинский язык... Стар я для них... и все мои мысли – стары... И я не понимаю; кто они? Кого они любят? Чего им надо?

Басов. Н-да... это любопытно! Только, я думаю – нервы это, а? Вот поживешь здесь, отдохнешь, успокоишься, и читатель найдется... Главное в жизни спокойное, внимательное отношение ко всему... вот как я думаю. Пойдем в комнаты! И того, яша, попрошу тебя! Ты, знаешь, так как-нибудь... эдак павлином!

Шалимов (изумленно). Что-о? Как это павлином? Зачем это?

Басов (таинственно). Так, знаешь, распусти хвост на все перья! Перед Варей... перед женой моей... развлечения ее... заинтересуй, по дружбе...

Шалимов (не сразу). Нужно, значит, сыграть роль громоотвода? Ты... чудак! Ну, что же, ладно!

Басов. Да, нет, ты не думай... она милая! Только, знаешь, так как-то, скучает о чем-то... Теперь все скучают... всё какие-то настроения... странные разговоры, вообще, канитель! Кстати, ты женат? То есть, я слышал, что ты развелся с женой.

Шалимов. И снова был женат, и снова развелся... Трудно, скажу тебе, найти в женщине товарища.

Басов. Н-да! Это верно! Это, друг мой, верно!

(Уходят в комнаты. Дама в желтом платье и молодой человек в клетчатом костюме выходят из леса.)

Дама. Еще никого нет? А назначено в шесть часов... Как это вам нравится?

Молодой человек. Собственно говоря, я – герой...

Дама. Представьте! Я так и думала...

Молодой человек. Да, я герой... А он дает мне комические роли. Нелепо же, согласитесь!

Дама. Они всё хорошенькое – для себя...

Дачники. Максим Горький gorkiutaxim.ru
(Проходят направо в лес. С другой стороны являются Соня и

Зимин. В глубине сцены Суслов медленно идет по направлению к своей даче.)

Зимин (вполголоса). Ну, я туда не пойду, Соня. .. Так вот... завтра, значит, я еду...

Соня (в тон ему). Хорошо... поезжай. Будь осторожен, Макс, я прошу тебя!

Зимин (берет ее руку). И ты... пожалуйста.

Соня. Ну, до свиданья! Недели через три увидимся... не раньше?

Зимин. Нет, не раньше... до свиданья, милая Соня! Ты без меня... (Смущается, молчит.)

Соня. Что?

Зимин. Так... Глупость. До свиданья, Соня. ..

Соня (удерживая его за руку). Нет, скажи... ты без меня - что?

Зимин (негромко, опустив голову). Не выйдешь замуж?

Соня. Не смей так говорить, Максим... И думать не смей! Слышишь? Это глупо... а пожалуй, и гадко, Максим... понимаешь?

Зимин. Не надо... Не обижайся. Прости... невольно как-то приходят в голову разные дикие мысли... Говорят, человек не хозяин своего чувства...

Соня (горячо). Это - неправда! Это - ложь, Максим! Я хочу, чтобы ты знал: это ложь!.. Ее выдумали для оправдания слабости, - помни, Максим, я не верю в это! Иди!..

Зимин (жмет ее руку). Хорошо! я буду помнить это, Соня. .. буду! Ну, до свиданья, славная моя!

(Зимин быстро уходит за угол дачи. Соня смотрит ему вслед и медленно идет на террасу, потом в комнаты. Дудаков, Влас и

Марья Львовна идут справа из лесу, потом за ними Двоеточие.

Марья Львовна садится на скамью, Двоеточие рядом с нею. Зевает.)

Дудаков. Люди - легкомысленны, а жизнь тяжела... почему?

Влас. Это мне неизвестно, доктор! Про- должая: ну-с, так вот - отец мой был повар и человек с фантазией, любил он меня жестоко и всюду таскал за собою, как свою трубку. Я несколько раз бегал от него к матери, но он являлся к ней в прачешную, избивал всех, попадавших ему под руку, и снова брал меня в плен. Роковая мысль - заняться моим образованием - пришла ему в голову, когда он служил у архиерея... Поэтому я попал в духовное училище. Но через несколько месяцев отец ушел к инженеру, а я очутился в железнодорожной школе... а через год я уже был в земледельческом училище, потому что отец поступил к председателю земской управы. Школа живописи и коммерческое училище тоже имели честь видеть меня в своих стенах. Кратко говоря - в семнадцать лет отвращение к наукам наполняло меня до совершенной невозможности чему-нибудь учиться, хотя бы даже игре в карты и курению табака. Что вы на меня так смотрите, Марья Львовна?

Марья Львовна (задумчиво). Грустно это все...

Влас. Грустно? Но - ведь это прошлое! Женщина с подвязанной щекой. Господа, не видали Женечку? Мальчик такой... не пробегал? В соломенной шляпочке... Беленький.

Марья Львовна. Не видали.

Женщина. Ах ты... грех какой... Мальчик-то господ Розовых! Бойкенский такой...

а?

Влас. Не видали, тетенька...

(Женщина бормочет что-то и бежит в лес.)

Двоеточие. А вы, того, господин Чернов... понимаете...

Влас. Чего? Не понимаю.

Двоеточие. Нравится мне...

Влас. Ну?

Двоеточие. Право...

Влас. Я рад... за вас!..

(Двоеточие хохочет.)

Дудаков. Скверно вам будет, Влас!..

Влас. Когда?

Дудаков. Вообще... всегда...

Двоеточие. Конечно, будет скверно... потому – человек прямой... и всякому, понимаете, забавно попробовать – а ну-ка, не согнется ли?

Влас. Увидим! А пока идемте чай пить, а? У нас, вероятно, пьют уже...

Дудаков. Это – хорошее дело.

Двоеточие. Я бы пошел... ловко ли?

Влас. Очень ловко, дедушка. Я иду вперед... (Убегает на дачу, все медленно идут за ним.)

Двоеточие. Приятный паренек...

Марья Львовна. Да, славный, только вот – кривляется...

Двоеточие. Ничего! Это пройдет. В нем есть внутренняя честность, знаете... Обыкновенно честность у людей где-то снаружи прицеплена, вроде галстука, что ли.. Человек больше сам про себя кричит: я честный, честный! Но когда, понимаете, девица часто про себя говорит: ах, я девушка! ах, я девушка! – для меня это верный признак, что она в дамки прошла... Хо-хо! Вы меня простите, Марья Львовна.

Марья Львовна. Что с вас возьмешь...

(Входят на террасу и в комнаты. Суслов выходит им навстречу.)

Двоеточие. Ты куда, Петр?

Суслов. Так... покурить, на воздух...

(Суслов медленно идет к своей даче. Навстречу ему выбегает женщина с подвязанной щекой. Из леса выходит господин в цилиндре, останавливается, пожимает плечами.)

Женщина. Господин, не видали вы мальчика? Колечка... то бишь, Женечка... В курточке!

Суслов (негромко). Нет... уйди прочь!

(Женщина убегает.)

Господин (элегантно кланяясь). Милостивый государь, извините... вы не меня

ищите?

Суслов (недоумевая). Это не я ищу, это баба ищет.

Господин. Видите ли что... я приглашен играть первую роль в пьесе.

Суслов (идет). Это меня не касается.

Господин (обиженно). Но позвольте... кого же это касается? Где, наконец, режиссер? Я два часа хожу, ищу... Ушел... невежа!.. (Идет к сцене и скрывается за ней. Ольга Алексеевна идет по дороге с дачи Суслова.)

Ольга Алексеевна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Суслов. А... добрый вечер!.. Как душно!..

Ольга Алексеевна. Душно? Мне не кажется...

Суслов (закуривая). А я вот – задыхаюсь... Ходят тут какие-то полоумные, ищут мальчиков, режиссеров...

Ольга Алексеевна. Да, да... Вы что – устали? У вас трясутся руки.

Суслов (идет с нею обратно к даче Басова). Это... оттого, что я много выпил вчера и плохо спал...

Ольга Алексеевна. Зачем вы пьете?

Суслов. Чтоб веселее жить...

Ольга Алексеевна. Вы мужа не встречали?

Суслов. Он у Басовых пьет чай...

Варвара Михайловна (появляясь на террасе). Ты ко мне, Оля?

Ольга Алексеевна. Я гуляю...

Варвара Михайловна. А вы почему ушли, Петр Иванович?

Суслов (усмехаясь). По земле, как всегда, хожу... Надоело слушать речи господина писателя и почтенной Марии Львовны.

Варвара Михайловна. Да? Вам не интересно? А вот я слушаю.

Суслов (пожимая плечами). На здоровье... До свиданья пока... (Идет к своей даче.)

Ольга Алексеевна (негромко). Ты понимаешь, почему он такой?..

Варвара Михайловна. Нет... Мне не хочется понимать это. Идем в комнаты?

Ольга Алексеевна. Посиди со мной, там обойдутся и без тебя.

Варвара Михайловна. Несомненно. А ты опять расстроена?

Ольга Алексеевна. Могу ли я быть спокойной, Варя? Он приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез... Меня это не может радовать, согласись...

Варвара Михайловна. Он у нас сидит.

(Они медленно идут к группе елей.)

Ольга Алексеевна (раздраженно). Он бежит от меня и детей... Я понимаю, он заработался, ему надо отдохнуть... Но ведь и я тоже устала... О, как я устала! Я ничего не могу делать, у меня все не ладится... Это злит меня. Он должен помнить, что молодость мою, все мои силы я отдала ему.

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Варвара Михайловна (мягко). Милая Оля... Мне кажется, что тебе нравится жаловаться... нет? я ошибаюсь?

(Из комнаты доносится глухой шум спора, он все возрастает.)

Ольга Алексеевна. Не знаю... может быть! Я хочу сказать ему - пусть лучше я уеду... и дети...

Варвара Михайловна. Вот это так! Просто вам нужно отдохнуть друг от друга... Поезжай, я достану тебе денег.

Ольга Алексеевна. Ах, я так много должна тебе!

Варвара Михайловна. Пустяки это! Успокойся, сядем здесь.

Ольга Алексеевна. Я ненавижу себя за то, что не могу жить без твоей помощи... ненавижу! Ты думаешь, мне легко брать у тебя деньги... деньги твоего мужа?... Нельзя уважать себя, если не умеешь жить... если всю жизнь нужно, чтобы кто-то помогал тебе, кто-то поддерживал тебя... Ты знаешь? Иногда я не люблю и тебя... ненавижу! За то, что вот ты такая спокойная и все только рассуждаешь, а не живешь, не чувствуешь...

Варвара Михайловна. Голубчик мой, я только умею молчать... Я не могу себе позволить жалоб - вот и все!..

Ольга Алексеевна. Те, которые помогают, должны в душе презирать людей... Я сама хочу помогать.

(На дачу Басовых быстро проходит Рюмин.)

Варвара Михайловна. Чтобы презирать людей?

Ольга Алексеевна. Да! да! Я - не люблю их! Не люблю Марью Львовну, зачем она всех так строго судит? Не люблю Рюмина, - он все философствует и ничего не смеет, не может. И мужа твоего не люблю: он стал мягкий, как тесто, он боится тебя; разве это хорошо? А твой брат... влюблен в эту резонерку, в эту злую Марью Львовну...

Варвара Михайловна (удивленно, с упреком). Ольга! Что с тобой? Это нехорошо! послушай...

Ольга Алексеевна. Да! да! Пускай нехорошо! А эта гордая Калерия!.. Говорит о красоте... а самой просто хочется замуж!

Варвара Михайловна (строго и холодно). Ольга! Ты не должна давать воли этому чувству... оно тебя заведет в такой темный угол...

Ольга Алексеевна (негромко, но сильно и со злостью). Мне все равно!.. Все равно, куда я приду, лишь бы выйти из этой скучной муки! Я жить хочу! Я не хуже других! Я все вижу, я не глупая... Я вижу, что ты тоже... о, я понимаю!.. Тебе хорошо жить. Да, твой муж богат... он не очень щепетилен в делах, твой муж... это все говорят про него. Ты должна знать это!.. Ты сама тоже... Ты устроилась как-то так, чтобы не иметь детей...

Варвара Михайловна (медленно встает и смотрит в лицо Ольги изумленными глазами). Устроилась? Ты... что ты хочешь сказать?..

Ольга Алексеевна (смущенно). Я ничего не говорю особенного... я только хотела сказать... мне муж говорил, что многие женщины не хотят детей...

Варвара Михайловна. Я не понимаю тебя, но я чувствую, - ты подозреваешь меня в чем-то гадком... Я не хочу знать, в чем именно...

Ольга Алексеевна. Варя, не говори так, не смотри на меня... Ведь это правда, твой муж... о нем дурно говорят...

Варвара Михайловна (вздрагивая, задумчиво). Ты, Ольга, была мне как родная... Если бы я не знала, как тяжело тебе жить... если бы не помнила, что когда-то мы

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
обе с тобой мечтали не о такой жизни...

Ольга Алексеевна (искренно). Ну, прости меня... прости. Я - злая...

Варвара Михайловна. Мечтали о хорошей, яркой жизни и вместе оплакали эти мечты... Мне очень больно, Ольга... Ты хотела этого? Мне больно!

Ольга Алексеевна. Не говори... не говори так, Варя!..

Варвара Михайловна. Я уйду... (Ольга Алексеевна встает.) Нет! не ходи за мной... не надо...

Ольга Алексеевна. Ты... навсегда... Варя?.. Ты - навсегда?..

Варвара Михайловна. Молчи... Подожди... Я не понимаю, за что ты меня?..

(Двоеточие быстро сходит с террасы, хохочет и, подойдя к

Варваре Михайловне, берет ее за руку.)

Двоеточие. Сбежал я, сударыня! Красивенький философ - господин Рюмин загонял меня до полного конфуза! В премудростях я не смышлен и противиться ему никак не могу... Так и увяз я в речах его... точно таракан в патоке... Сбежал, ну его!.. Лучше с вами потолкую... уж очень вы мне, старому лешему, нравитесь, право! А что у вас личико эдакое... как бы опрокинутое? (Смотрит на Ольгу Алексеевну. Смущенно крикает.)

Ольга Алексеевна (кротко). Мне уйти, Варя?

Варвара Михайловна (твердо). Да... (Ольга Алексеевна быстро идет в глубину сцены. Варвара Михайловна смотрит ей вслед, обращается к Двоеточию.) Вы говорите... что такое? Простите... я...

Двоеточие (дружески, просто). Эх, сударыня! Смотрю я на вас: нехорошо вам тут, понимаете? Нехорошо, правда? (Хохочет.)

Варвара Михайловна (оглядывая его с головы до ног, спокойно, ровно). Послушайте, Семен Семенович, вы не можете объяснить мне, кто дал вам право говорить со мной... в этом странном тоне?

Двоеточие. Хо-хо-хо! Э! бросьте! Право это дает мне старость моя и опыт мой...

Варвара Михайловна. Извините меня... но, мне кажется... этого слишком мало, чтобы так бесцеремонно вторгаться...

Двоеточие (добродушно). Никуда я не вторгаюсь, а вижу я - чужая вы всем тут... и я чужой... ну вот, и того... понимаете... захотелось мне сказать вам что-то... ну, видно, не сумел: извините, коли так...

Варвара Михайловна (усмехаясь). Простите и вы меня... я, кажется, грубо сказала вам... но, право, мне странно, я не привыкла к такому отношению.

Двоеточие. Понимаю... Вижу, что не привыкли... где тут привыкнуть! Пойдемте, погуляем, а? Уважьте старика!..

(Семенов влетает на велосипеде и подкатывается прямо к ногам Двоеточия.)

Двоеточие (испуганно). Куда вы, сударь мой? Что вы?

Семенов (задыхаясь). Извините... уже кончилась?..

Двоеточие. Что кончилось?.. Бог с вами!

Семенов. Такая досада!.. Лопнула шина!.. Я, видите, сегодня на двух репетициях...

Двоеточие. Да мне-то какое дело до этого?..

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Семенов. Вы не участвуете? Извините! Я думал, вы в гриме...

Двоеточие (Варваре Михайловне). Что такое?

Варвара Михайловна (Семенову). Вы на репетицию?

Семенов. Да, и вот...

Варвара Михайловна. Еще не начинали.

Семенов (радостно). О, благодарю вас! Это очень досадно... я всегда так аккуратен!

Двоеточие. Чего же вам досадно?

Семенов (любезно). То есть было бы досадно, если бы я опоздал... Извиняюсь. (Отходит, раскланиваясь, к сцене.)

Двоеточие. Вот чудовищное насекомое! Наехал: Извольте радоваться! Уйдемте прочь отсюда, Варвара Михайловна, а то еще наскочит какой-нибудь эдакий... брандахлыст!

Варвара Михайловна (рассеянно). Пойдемте... я возьму платок... я сейчас. (Уходит на дачу, Семенов подходит к Двоеточию.)

Семенов. Там еще едут... две барышни и юнкер...

Двоеточие. Ага? Едут? Приятно мне слышать это...

Семенов. Они должны сейчас явиться... Знаете, это тот юнкер, у которого сестра застрелилась...

Двоеточие. Тот самый... Скажите!..

Семенов. Не правда ли, какой сенсационный случай... барышня и вдруг стреляется?

Двоеточие. М-да... Действительно... случай...

Семенов. А я подумал, что вы в гриме... У вас такие волосы и лицо, точно грим.

Двоеточие. Покорно вас благодарю...

Семенов. Я не льщу вам... поверьте...

Двоеточие. Я - верю... Только не понимаю... чем тут... польстить можно?

Семенов. Как же! В гриме человек всегда красивее, чем в натуре. А скажите, вы не декоратор, нет?

(Из леса выходит Суслов, в глубине сцены, являются дама в желтом и молодой человек в клетчатом костюме.)

Двоеточие. Нет... я просто дядя вон этого господина...

Дама в желтом. Господин Сазанов!

Семенов. Это меня зовут. Вот, знаете, странно... у меня такая простая фамилия, а никто ее не запоминает... До свиданья! (Идет на зов, оживленно кланяясь даме.)

Суслов (подходит). Жену не видали? (Двоеточие отрицательно кивает головой и облегченно вздыхает.) На даче собрались эти... артисты...

Двоеточие. Ко мне вот этот репей пристал... декоратором меня назвал... Спиноза тонконогая! Тоже место на земле занимает!.. Опять спорят! Ну!

(Из комнат дачи выходят: Калерия, Шалимов, Рюмин, Варвара

Михайловна. Двоеточие идет им навстречу, внимательно слушает спор. Суслов

Дачники. Максим Горький gorikiu@mail.ru
садится на его место, угрюмо глядя на спорящих.)

Шалимов (утомленно). Нет, я готов бежать от нее на северный полюс... невыносимо горяча она!

Рюмин. Меня положительно возмущает ее деспотизм. Люди этого типа преступно нетерпимы... Почему они полагают, что все должны принимать их верования?

Варвара Михайловна (пристально смотрит на всех). Укажите им что-нибудь более великое и красивое, чем эти верования!

Калерия. Ты называешь великим и красивым эти холодные, лишенные поэзии мечты о всеобщей сытости?

Варвара Михайловна (волнуясь). А я не знаю... Я не вижу ничего более яркого... (Шалимов внимательно прислушивается к словам Варвары. Михайловны.) Я не умею говорить... Но, господа, я сердцем чувствую: надо, необходимо пробудить в людях сознание своего достоинства, во всех людях... во всех! Тогда никто из нас не будет оскорблять другого... Ведь мы не умеем уважать человека, и это так больно... обидно...

Калерия. Ах, боже мой! Да не Марья же Львовна может научить этому!

Варвара Михайловна. Вы все относитесь к ней так враждебно... Зачем?

Рюмин. Она сама - прежде всех!.. Она раздражает... Когда я слышу, как люди определяют смысл жизни, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать...

Калерия. Как тяжело, тесно жить среди таких людей!

Варвара Михайловна. А среди людей, которые всё только жалуются на жизнь, - весело, легко, Калерия? Будем справедливы... разве легко и свободно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?.. Что вносим в жизнь все мы... вы, я, ты?..

Рюмин. А она?.. А Марья Львовна? Вражду?

Калерия. Забытые слова - забыты, и прекрасно! Живые люди не могут жить заветами покойников.

(Около сцены собираются любители. Пустобайка на сцене расставляет стулья.)

Двоеточие. А вам бы, Варвара Михайловна, не волноваться так, а? Прекратить бы разговорец-то? Пойдемте гулять... вы обещали.

Варвара Михайловна. Да... я пойду! Я не умею сказать, что чувствую... что хочу... не умею! Как это обидно... быть умственно немой...

Шалимов. Свидетельствую, что это неправда... Вы позволите идти с вами?

Варвара Михайловна. Пожалуйста, идите...

Двоеточие. Пойдемте к речке... в беседку. Чего вы горячитесь, сударыня моя?

Варвара Михайловна. Ах... я чувствую какое-то тяжелое недоразумение.

(Уходят по дороге в лес. Суслов смотрит вслед им, и усмехается.)

Рюмин (смотрит им вслед). Как она оживилась... когда приехал этот... Шалимов... Как она говорит! А что такое он? Ведь она видит, - он исписался, потерял почву под собой... и, когда он говорит уверенно, он лжет себе, обманывает других.

Калерия. Она это знает; вчера вечером, после разговора с ним, она плакала, как разочарованное дитя... Да... Издали он казался ей сильным, смелым, она ожидала, что он внесет в ее пустую жизнь что-то новое, интересное...

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

(Из-за угла дачи Басова идут Замыслов и Юлия Филипповна. Он что-то шепчет ей, она смеется. Суслов это видит.)

Рюмин. Пойдемте в комнаты. Сыграйте что-нибудь, пожалуйста... хочется музыки...

Калерия. Пойдемте... Да, грустно жить, когда кругом тебя всё так...

Юлия Филипповна. Смотрите: артисты наши уже пришли. Репетиция в шесть, а теперь?

Замыслов. А теперь семь с половиной. Но раньше опаздывали только вы, а теперь - все. Плоды вашего влияния.

Юлия Филипповна. Это - дерзость?..

Замыслов. Это - комплимент. Я на секунду забегу к патрону, вы позволите?

Юлия Филипповна. Скорее! (Замыслов уходит на дачу Басовых, Юлия Филипповна - к группе деревьев, напевая, видит мужа.)

Суслов. А, где была?

Юлия Филипповна. Там... И там...

(Около сцены, дама в желтом, молодой человек, Семенов, юнкер и две барышни. На сцене Пустобайка с грохотом ставит стол. Смех, отдельные восклицания: "Господа!" - "Где режиссер?" - "Господин Степанов!" - "Он здесь, я видел". - "Опоздаем мы в город!" - "Извините - Семенов, а не Степанов!")

Суслов. Всё с ним?.. С этим... так открыто... чем ты рисуешься, Юлия? Надо мной уже смеются. Ты понимаешь?

Юлия Филипповна. Уже смеются?.. Это скверно...

Суслов. Нам нужно объясниться... Я не могу позволить тебе...

Юлия Филипповна. Мне не улыбается роль жены человека, над которым смеются...

Суслов. Берегись, Юлия!.. Я способен...

Юлия Филипповна. Быть грубым, как извозчик? - я знаю...

Суслов. Не смей говорить так! Развратная!

Юлия Филипповна (негромко, спокойно). Мы кончим эту сцену дома. Сюда идут... Ты ушел бы... У тебя такое лицо...

(Брезгливо вздрагивает. Суслов делает шаг к ней, но быстро отступает и, сказав сквозь зубы свою фразу, исчезает в лесу.)

Суслов. Когда-нибудь... я застрелю тебя!..

Юлия Филипповна (вслед ему). Это - не сегодня? да? (Напевает.) "Уже утомившийся день..." (Голос у нее дрожит.) "...Склонился в багряные воды..." (Смотрит широко открытыми глазами вперед и медленно опускает голову. С дачи Басова выходят: Марья Львовна, очень взволнованная, Дудаков и Басов с удочками.)

Басов (распутывая лесу). Уважаемая... Надо быть мягче, надо быть добрее... все мы - люди... Черт бы взял того, кто спутал мои удочки!..

Марья Львовна. Позвольте!

Дудаков. Видите ли, человек устает...

Басов. Нельзя же так, уважаемая! По-вашему выходит, что если писатель, так уж это непременно какой-то эдакий... герой, что ли? Ведь это, знаете, не всякому писателю удобно.

Марья Львовна. Мы должны всегда повышать наши требования к жизни и людям.

Басов. Это так... Повышать – да! Но в пределах возможного... Все совершается постепенно... Эволюция! Эволюция! Вот чего не надо забывать!

Марья Львовна. Я не требую... невозможного... Но мы живем в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьей пороков своего народа и борцом за его интересы... Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель...

Басов. Ну, да, конечно... однако...

Марья Львовна (сходит с террасы). Я этого не вижу в вашем друге, не вижу, нет! Чего он хочет? Чего ищет? Где его ненависть? Его любовь? Его правда? Кто он: друг мой? враг? Я этого не понимаю... (Быстро уходит за угол дачи.)

Басов (распутывая удочки). Уважаю я вас, Марья Львовна, за эту... кипучесть... Исчезла?... Нет, вы скажите мне, чего она горячится? Ведь даже гимназистам известно, что писатель должен быть честен... ну, и там... действовать насчет народа и прочее, а солдат должен быть храбр, адвокат же умен... Так нет, эта неукротимая женщина все-таки долбит зады... Пойдемте, милый доктор, поймем окуня... Кто это спутал удочки? черт!

Дудаков. Д-да... много она говорит, по-умному... Очень просто жить ей... Практика у нее есть, потребности небольшие.

Басов. А этот Яшка – шельмец! Вы заметили, как он ловко выскальзывал, когда она припирала его в угол? (Смеется.) Красиво говорит он, когда в ударе! А хоть и красиво, однако после своей первой жены, с которой, кстати сказать, он и жил всего полгода... а потом бросил ее...

Дудаков. То есть разошелся, говорят в этих случаях.

Басов. Ну, скажем, разошелся... а теперь вот, когда она умерла, хочет ее именишко к своим рукам прибрать. Ловко?

Дудаков. Н-но! Очень неловко. Это лишнее!..

Басов. А он вот находит, что не лишнее... дорогой мой доктор! Идем на реку...

Дудаков. А знаете что?..

Басов. Что именно?

Дудаков (задумчиво, медленно). Вам не странно, то есть вас не удивляет, что мы не опротивели друг другу, а?

Басов (останавливается). Что-о? Вы это серьезно?

Дудаков. Вполне серьезно... Ведь ужасно пустые люди все мы... вам не кажется это?

Басов (идет). Нет, не кажется... Я здоров... Я вообще нормальный человек, извините...

Дудаков. Нет... вы без шуток:

Басов. Шутки? Послушайте... вы, того, доктор... одним словом: врачу, исцелился сам! Кстати, спрошу вас – вы меня в воду не столкнете, а?

Дудаков (серьезно, пожимая плечами). Зачем же?

Басов (идет). А так... вообще... странное у вас... настроение.

Дудаков (угрюмо). Трудно говорить серьезно с вами...

Басов. И не говорите... не надо! А то вы очень уж оригинально понимаете серьезный разговор... Не будем говорить серьезно!

Дачники. Максим Горький gorkiytext.ru

(Басов и Дудаков уходят. Справа выходят Соня и Влас. Из дачи Басова Замыслов, он торопливо бежит к сцене, его встречают шумом. Около него собирается тесная группа, он что-то объясняет.)

Соня. Не верю я в ваши стихи.

Влас. И напрасно... у меня есть талантливые вещицы, например:

Как персик, так и ананас

Природой создан не для нас.

О Влас! Не пяль напрасно глаз

На персик и на ананас!

Соня (смеясь). Зачем вы тратите себя на пустяки? Почему бы вам не попробовать отнестись к себе более серьезно?

Влас (тихо, таинственно). Премудрая София, я пробовал! У меня даже есть стихотворение, написанное по поводу этих проб. (Напевает гнусаво и негромко на мотив "Под вечер осенью ненастной".)

Велик для маленького дела,

Для дела крупного я - мал!

Соня (серьезно). Бросьте это! Ведь я чувствую, вам совсем не хочется дурить... Скажите мне, как бы вы хотели жить?

Влас (с жаром). Хорошо! Очень хорошо хочу я жить!

Соня. Что же вы делаете для этого?

Влас (уныло). Ничего! совершенно ничего не делаю я!

Марья Львовна (из леса). Соня!

Соня. Я - здесь. Ты что?

Марья Львовна. Иди домой... К тебе приехали гости...

Соня. Иду... (Марья Львовна подходит.) Поручаю тебе этого гримасника. Он городит чепуху и требует, чтобы его хорошенько отчитали за это. (Убегает.)

Влас (покорно). Ну, начинайте... Дщерь ваша пиявила меня всю дорогу от станции до сего пункта, но я еще дышу.

Марья Львовна (ласково). Голубчик! Зачем делать из себя шута? Зачем унижать себя... Кому это нужно?

Влас (не глядя на нее). Не нужно, говорите вы... Но - никто не смеется, а я хочу, чтобы смеялись!.. (Вдруг - горячо, просто, искренно.) Тошно мне, Марья Львовна, нелепо мне... Все эти люди... я их не люблю... не уважаю: они жалкие, они маленькие, вроде комаров... Я не могу серьезно говорить с ними... они возбуждают во мне скверное желание кривляться, но кривляться более открыто, чем они... У меня голова засорена каким-то хламом... Мне хочется стонать, ругаться, жаловаться... Я, кажется, начну пить водку, черт побери! Я не могу, не умею жить среди них иначе, чем они живут... и это меня уродует... И я отравлюсь пошлостью. Вот они... Слышите? - идут! Иногда я смотрю на них с ужасом... Уйдемте! Я хочу, так жадно хочу говорить с вами!..

Марья Львовна (берет его под руку). Если бы вы знали, как я рада видеть вас таким...

Влас. Вы не поверите - порой так хочется крикнуть всем что-то злое, резкое, оскорбительное...

(Уходят в лес. Шалимов, Юлия Филипповна и Варвара Михайловна выходят с правой стороны.)

Шалимов. Ай, опять серьезные слова – пощадите! Я устал быть серьезным... Я не хочу философии – сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы... я хочу гулять, ухаживать за дамами...

Юлия Филипповна. Вы ухаживаете за дамами, не беспокоя своих нервов? Это, должно быть, оригинально... Почему же вы не ухаживаете за мной?

Шалимов. Не премину воспользоваться вашим любезным разрешением...

Юлия Филипповна. Я не разрешаю, а спрашиваю...

Шалимов. Но все-таки я буду смотреть на вопрос ваш как на любезное разрешение.

Юлия Филипповна. Ну, хорошо, оставим это... Отвечайте на мой вопрос... Но – правдиво!

Шалимов. Извольте: я допускаю дружбу с женщиной, но не считаю ее устойчивой... природу не обманешь!

Юлия Филипповна. Иначе – вы допускаете дружбу только как предисловие к любви?

Шалимов. Любовь! Я смотрю на нее серьезно... Когда я люблю женщину, я хочу поднять ее выше над землей... Я хочу украсить ее жизнь всеми цветами чувства и мысли моей...

Замыслов (у сцены). Юлия Филипповна, пожалуйста!

Юлия Филипповна. Иду! Пока до свиданья, господин цветовод! Приведите в порядок вашу оранжерею... (Идет к сцене.)

Шалимов. Немедленно! Какая милая, веселая... Вы что так странно смотрите на меня, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. К вам удивительно идут ваши усы...

Шалимов (улыбаясь). Да? Благодарю вас. Вам не нравится мой тон? Вы строги... Но – право же, с ней как-то неловко говорить в ином тоне...

Варвара Михайловна. Я, кажется, теряю способность удивляться...

Шалимов. Я понимаю – вам странно видеть меня таким? да? Но ведь нельзя же быть столь крикливо откровенным, как истеричный господин Рюмин. .. О, простите! – это, кажется... ваш... друг?

Варвара Михайловна (отрицательно качает головой). У меня нет друзей...

Шалимов. Я слишком уважаю жизнь своей души для того, чтобы открывать ее пред... каждым любопытным человеком. Пифагорейцы сообщали свои тайны только избранным...

Варвара Михайловна. Вот, ваши усы становятся лишними на вашем лице!

Шалимов. Э! Что усы! Оставим их в покое. Вы знаете пословицу: с волками жить – по-волчьи выть? Это, скажу вам, недурная пословица. Особенно для того, кто выпил до дна горькую чашу одиночества... Вы, должно быть, еще не вполне насладились им... и вам трудно понять человека, который... Впрочем, не смею задерживать вас...

(Кланяется и идет к сцене, где собравшаяся публика молча смотрит, как Замыслов, с книгой в руке, тоже молча крадется по сцене, показывая Семенову, как надо играть. Из дачи поспешно идет Басов с удочками.)

Басов. Варя! Какой клев! Изумительно! Доктор, при всей его неспособности, и то – сразу – бац! Вот какого окуня!.. Дядя – трех... (Оглядывается.) Ты знаешь, сейчас иду сюда, и вдруг – представь себе! Там, около беседки, у сухой сосны, влас на коленях перед Марьей Львовной! И целует руки!.. Каково? Голубчик мой,

Дачники. Максим Горький gor.ki.u.ta.him.ru
скажи ты ему – ведь он же мальчишка! Ведь она ему в матери годится!

Варвара Михайловна (негромко). Сергей, послушай: пожалуйста, молчи об этом... ни слова никому! Ты не понимаешь!.. Ты неверно понял... Я боюсь, ты расскажешь всем... и это будет нехорошо – пойми.

Басов. Что ты волнуешься так? Ну, не надо говорить – и не надо! Но как это глупо, а? И Марья Львовна:

Варвара Михайловна. Дай мне честное слово, что ты забудешь об этом! Дай!

Басов. Честное слово?.. Даю... Черт с ними! Но объясни мне...

Варвара Михайловна. Я ничего не могу объяснить... но я знаю, что это не то, о чем ты думаешь... это – не роман!..

Басов. Ага! М-да! Не роман? Гм! А что же, Варя? Ну, ну, молчу, не волнуйся! Я иду ловить окуней и – ничего не видал! Ах да, постой! Ты знаешь, этот Яшка, – вот скотина, а?

Варвара Михайловна (испуганно). Что такое, Сергей? Что еще?

Басов. Да что ты так... курьезно относишься ко всему? Эта история совсем в другом роде...

Варвара Михайловна (негромко, брезгливо). Послушай... Я ничего не хочу знать... пойми меня! Не хочу, Сергей!

Басов (удивленно, быстро). Да ничего особенного нет, чудачка ты... Что с тобой? Просто он хочет оттягать землю у сестры своей покойной жены, с которой он...

Варвара Михайловна (брезгливо, с болью). Прошу тебя – молчи!.. Прошу тебя! Неужели ты не понимаешь... Не говори, Сергей!

Басов (обиженно). Тебе надо лечить нервы, Варя! Извини, но – странно ты ведешь себя... И даже обидно!.. да!

(Басов быстро уходит. Варвара Михайловна тихо идет к террасе. Около сцены шум, смех.)

Замыслов. Сторож! Где фонарь?

Юлия Филипповна. Господин Сомов! Где моя роль?

Семенов. Семенов, если позволите!

Юлия Филипповна. Пожалуйста!

Замыслов. Внимание, господа! Мы начинаем!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Поляна в лесу. В глубине ее, под деревьями, вокруг ковра, уставленного закусками и бутылками, расположились: Басов, Двоеточие, Шалимов, Суслов, Замыслов; направо от них, в стороне, большой самовар; около него Саша моет посуду, лежит Пустобайка и курит трубку, около него – весла, корзины, железное ведро. На первом плане с левой стороны – разбитая копна сена и большой пень, с корнем вывороченный из земли. На сене сидят: Калерия, Варвара Михайловна и Юлия Филипповна. Басов рассказывает что-то вполголоса, мужчины внимательно слушают его. С правой стороны иногда доносится голос Сони, бренчит балалайка, кто-то играет на гитаре. Вечереет.

Юлия Филипповна. Скучен наш пикник.

Калерия. Как наша жизнь.

Варвара Михайловна. Мужчинам – весело.

Юлия Филипповна. Они много выпили и теперь, вероятно, рассказывают друг другу неприличные анекдоты.

(Пауза. Соня: "Не так... Медленнее!" – Звучит гитара. Двоеточие хохочет.)

Юлия Филипповна. Я тоже выпила... но это меня не веселит; напротив, когда я выпью рюмку крепкого вина, я чувствую себя более серьезной... жить мне – хуже... и хочется сделать что-то безумное.

Калерия (задумчиво). Все – спутано... неясно... и пугает...

Варвара Михайловна. Что пугает?

Калерия. Люди... Ненадежные они все... Никому не веришь...

Варвара Михайловна. Да. Именно ненадежны. Я понимаю тебя.

(Басов с армянским акцентом: "Зачем, душа моя? мне и так очень превосходно". – Общий смех мужчин.)

Калерия. Нет, не понимаешь! И я тебя не понимаю. И никто никого не понимает... не хочет понять... Люди блуждают, как льдины в холодном море севера... сталкиваются друг с другом...

(Двоеточие встает и уходит направо.) Юлия Филипповна (тихо поет). Уже утомившийся день Клонился в багряные воды...

(Когда Варвара Михайловна начинает говорить, Юлия Филипповна перестает петь и пристально смотрит ей в лицо.)

Варвара Михайловна. Жизнь – точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше.

Юлия Филипповна.

Темнеют лазурные своды,

Прозрачная стелется тень.

Калерия. Каковы должны быть люди... что-бы смотреть на них было не так... скучно?

Варвара Михайловна. Честнее они должны быть!.. и смелее...

Калерия. Определеннее они должны быть, Варя! Во всяком случае во всех отношениях определеннее они должны быть.

Юлия Филипповна. Бросьте рассуждать! Это не забавно. Давайте петь...

Варвара Михайловна. Славный дуэт пели вы, Юлия Филипповна.

Юлия Филипповна. Да, хороший... Чистый!.. Я люблю все чистое... вы не верите? Люблю, да... Смотреть люблю на чистое... слушать... (Смеется.)

Калерия. У меня в душе растет какая-то серая злоба... серая, как облако осени... Тяжелое облако злобы давит мне душу, Варя... Я никого не люблю, не хочу любить!.. И умру смешной старой девой.

Варвара Михайловна. Перестань, милая! Так тоскливо...

Юлия Филипповна. Быть замужем – тоже сомнительное удовольствие... На вашем месте я вышла бы замуж за Рюмина... Он немножко кисленький, но...

(Соня: "Подождите! Ну, начинайте! Нет, начинает мандолина". – Дуэт мандолины и гитары.)

Калерия. Он резиновый...

Варвара Михайловна. Почему-то мне вспомнилась одна грустная песенка... Ее, бывало, пели прачки в заведении моей матери... Я тогда была маленькая, училась в гимназии. Помню, придешь домой, прачешная полна серого, удушливого пара... в нем качаются полуодетые женщины и негромко, устало поют:

Ты, родная моя матушка,
Пожалей меня, несчастную,
Тяжело мне у чужих людей,
В злой неволе сердце высохло.

И я плакала, слушая эту песню... (Басов: "Саша! дайте-ка пива... и портвейна...") Хорошо я жила тогда! Эти женщины любили меня... Помню, вечерами, кончив работать, они садились пить чай за большой, чисто вымытый стол... и сажали меня с собою, как равную.

Калерия. Ты скучно говоришь, Варя! Скучно, как Марья Львовна. ..

Юлия Филипповна. Милые мои женщины, плохо мы живем!

Варвара Михайловна (задумчиво). Да, плохо... И не знаем, как надо жить лучше. Моя мать всю жизнь работала... Какая она добрая была... какая веселая! Ее все любили. Она сделала меня образованной... Как она радовалась, когда я кончила гимназию! В то время она уже не могла ходить у нее был ревматизм... Умирала она спокойно... и говорила мне: "Не плачь, Варя, ничего! Мне - пора... пожила, поработала, будет!" В ее жизни было больше смысла, чем в моей. А вот мне - неловко жить... Мне кажется, что я зашла в чужую сторону, к чужим людям и не понимаю их жизни!.. Не понимаю я этой нашей жизни, жизни культурных людей. Она кажется мне непрочной, неустойчивой, поспешно сделанной на время, как делаются на ярмарках балаганы... Эта жизнь - точно лед над живыми волнами реки: он крепок, он блестит, но в нем много грязи... много постыдного... нехорошего... Когда я читаю честные, смелые книги, мне кажется - восходит горячее солнце правды... лед тает, обнажая грязь внутри себя, и волны реки скоро сломают его, раздробят, унесут куда-то...

Калерия (брезгливо, с досадой). Почему ты не бросишь мужа? Это такой пошляк, он тебе совершенно лишний...

(Варвара Михайловна с недоумением смотрит на Калерию.)

Калерия (настойчиво). Брось его и уходи куда-нибудь... учиться иди... влюбись... только уйди!

Варвара Михайловна (встает, с досадой). Как это грубо...

Калерия. Ты можешь: у тебя нет отвращения к грязному, тебе нравятся прачки... ты везде можешь жить...

Юлия Филипповна. Вы очень мило говорите о своем брате...

Калерия (спокойно). Да!.. Хотите, я скажу вам что-нибудь такое же о вашем муже?

Юлия Филипповна (усмехаясь). Скажите! Вероятно, я не обижусь. Я сама часто говорю ему кое-что, от чего он бесится... Он мне платит тем же... Еще недавно он сказал в лицо мне, что я - развратна...

Варвара Михайловна. И вы... Что же вы?

Юлия Филипповна. Я не возражала. Не знаю: не знаю я, что такое разврат, но я очень любопытна. Скверное такое, острое любопытство к мужчине есть у меня. (Варвара Михайловна встает, отходит шага на три в сторону.) Я красива - вот мое несчастье. Уже в шестом классе гимназии учителя смотрели на меня такими глазами, что я чего-то стыдилась и краснела, а им это доставляло удовольствие, и они вкусно улыбались, как обжоры перед гастрономической лавкой.

Калерия (вздрагивая). Брр... Какая гадость!

Юлия Филипповна. Да. Потом меня просвещали замужние подруги... Но больше всех – я обязана мужу. Это он изуродовал мое воображение... он привил мне чувство любопытства к мужчине. (Смеется. От группы мужчин отделяется Шалимов и медленно идет к женщинам.) А я уродую ему жизнь. Есть такая пословица: взявши лычко – отдай ремешок.

Шалимов (подходя). Славная пословица! Несомненно, ее создал щедрый и добрый человек... Варвара Михайловна, не хотите ли пройтись к реке?

Варвара Михайловна. Пожалуй... пойдете...

Шалимов. Позволите предложить вам руку?

Варвара Михайловна. Нет, спасибо... я не люблю.

Шалимов. Какое у вас грустное лицо. Вы не похожи на вашего брата... он весельчак. Забавный юноша...

(Уходят направо.)

Калерия. Среди нас – нет людей, довольных жизнью. Вот вы... такая всегда веселая, а между тем...

Юлия Филипповна. Вам нравится этот господин? В нем для меня есть что-то нечистое! Должно быть, холодный, как лягушка... Пойдете и мы к реке.

Калерия (вставая). Пойдете! все равно.

Юлия Филипповна. Он, должно быть, немножко увлекается ею. А действительно, какая она чужая всем! И так странно-пытливо смотрит на всех... Что она хочет видеть? Я ее люблю... но боюсь... Она – строгая... чистая...

(Уходят. С правой стороны раздаются громкие крики и смех. Кричат: "Лодку! Скорее! Где весла? Весла!" Пустобайка медленно встает и, положив весла на плечо, хочет идти. Суслов и Басов бегут на шум. Замыслов подсакивает к Пустобайке и вырывает у него весло.)

Замыслов. Живее, черт тебя возьми! Слышишь – должно быть, несчастье, а ты... рожа! (Убегает.)

Пустобайка (идет вслед ему и ворчит). Кабы несчастье, небойсь, не так бы завопили... Тоже... герой!.. Поскакал...

(Несколько секунд сцена пуста. Слышны крики: "Не бросайте камнями! Держите! Веслом!" Смех. С левой стороны быстро входят Марья Львовна и Влас, оба взволнованные.)

Марья Львовна (возбужденно, но негромко). Оставьте это, слышите? Я не хочу. Не смейте говорить со мной так! Разве я дала вам право?..

Влас. Я буду говорить! Буду!

Марья Львовна (протягивая руки вперед, как бы желая оттолкнуть Власа). Я требую уважения к себе!

Влас. Я вас люблю... люблю вас! Безумно, всей душой люблю ваше сердце... ваш ум люблю... и эту строгую прядь седых волос... ваши глаза и речь...

Марья Львовна. Молчите! Не смейте!

Влас. Я не могу жить... вы нужны мне, как воздух, как огонь!

Марья Львовна. О боже мой... разве нельзя без этого?... Нельзя?

Влас (схватив руками свою голову). Вы подняли меня в моих глазах... Я блуждал

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
где-то в сумраке... без дороги и цели... вы научили меня верить в свои силы...

Марья Львовна. Уйдите, не надо мучить меня! Голубчик! Не надо мучить меня!

Влас (на коленях). Вы уже много дали мне – этого еще мало все-таки! Будьте щедры, будьте великодушны! Я хочу верить, хочу знать, что я стою не только внимания вашего, но и любви! Я умоляю вас – не отталкивайте меня!..

Марья Львовна. Нет, это я вас умоляю! Уйдите! Потом... После я отвечу вам... не сейчас... И – встаньте! Встаньте, я вас прошу!

Влас (встает). Поверьте – мне необходима ваша любовь!.. Я так запачкал свое сердце среди всех этих жалких людей... мне нужен огонь, который выжиг бы всю грязь и ржавчину моей души!..

Марья Львовна. Имейте хоть немного уважения ко мне!.. Ведь я старуха! Вы это видите! Мне нужно, чтобы вы ушли теперь... Уйдите!

Влас. Хорошо!.. Я ухожу... Но потом, после – вы скажете мне...

Марья Львовна. Да... да... потом... идите!

(Влас быстро идет в лес направо и сталкивается с сестрой.)

Варвара Михайловна. Тише!.. Что с тобой?..

Влас. Это... ты?.. Прости!..

Марья Львовна (протягивая руки навстречу Варваре Михайловне). Дорогая моя! Идите ко мне!..

Варвара Михайловна. Что с вами? Он вас оскорбил?

Марья Львовна. Нет... то есть да... оскорбил?.. я ничего, ничего не понимаю!

Варвара Михайловна. Вы сядьте... Что случилось?

Марья Львовна. Он сказал мне. (Смеется, растерянно глядя в лицо Варваре Михайловне.) Он... сказал мне... что любит меня! А у меня седые волосы... и зубы вставлены... три зуба! О друг мой, я старуха! Разве он не видит этого? Моей дочери восемнадцать лет! Это невозможно!.. Это ненужно!..

Варвара Михайловна (волнуясь). Милая моя! Славная! Вы не волнуйтесь!.. расскажите... вы такая...

Марья Львовна. Я никакая! Как все мы... Я несчастная баба! Помогите мне! Его надо оттолкнуть от меня... Я не могу этого сделать... я – уеду!..

Варвара Михайловна. Я вас понимаю... Вам жалко его... он вам не нравится... Бедный Власик!

Марья Львовна. Ах! Я все лгу вам! Мне не его жалко... Мне себя жалко!..

Варвара Михайловна (быстро). Нет... Почему?

(Соня выходит из леса и стоит несколько секунд за копной. В руках у нее цветы, она хочет осыпать ими мать и Варвару Михайловну. Слышит слова матери, делает движение к ней и, повернувшись, неслышно уходит.)

Марья Львовна. Я его люблю!.. Вам это смешно? Ну, да... я люблю... Волосы седые... а жить хочется! Ведь я – голодная! Я не жила еще... Мое замужество было трехлетней пыткой... Я не любила никогда! И вот теперь... мне стыдно признаться... я так хочу ласки! нежной, сильной ласки, – я знаю поздно! Поздно! Я прошу вас, родная моя, помогите мне! Убедите его, что он ошибается, не любит!.. Я уже была несчастна... я много страдала... довольно!

Варвара Михайловна. Славная вы моя! Я не понимаю вашего страха! Если вы любите его и он любит вас – что же? Вы боитесь будущего страдания, но ведь, может быть,

это страдание далеко впереди!

Марья Львовна. Вы думаете, это возможно? А моя дочь? Соня моя? А годы? Проклятые годы мои? И эти седые волосы? Ведь он страшно молод! Пройдет год – и он бросит меня... о, нет, я не хочу унижений...

Варвара Михайловна. Зачем взвешивать–рассчитывать!.. Как мы все боимся жить! Что это значит, скажите, что это значит? Как мы все жалеем себя! Я не знаю, что говорю... Может быть, это дурно и нужно не так говорить... Но я... я не понимаю!.. Я бьюсь, как большая, глупая муха бьется о стекло... желая свободы... Мне больно за вас... Я хотела бы хоть немножко радости вам... И мне жалко брата! Вы могли бы сделать ему много доброго! У него не было матери... Он так много видел горя, унижений... вы были бы матерью ему...

Марья Львовна (опуская голову). Матерью... да! Только матерью... я понимаю вас... Спасибо!

Варвара Михайловна (торопливо). Нет... вы не поняли... я не говорила...

(Рюмин выходит из леса с правой стороны, видит женщин, останавливается, кашляет. Они его не слышат – он подходит ближе.)

Марья Львовна. Вы не хотели сказать – и невольно сказали простую, трезвую правду... Матерью я должна быть для него... да! Другом! Хорошая вы моя... мне плакать хочется... я уйду! Вон, смотрите, стоит Рюмин. У меня, должно быть, глупое лицо... растерялась старушка!

(Тихо, устало идет в лес.)

Варвара Михайловна. Я иду с вами.

Рюмин (быстро). Варвара Михайловна! Могу я попросить вас остаться? Я не задержу вас долго!..

Варвара Михайловна. Я догоню вас, Марья Львовна, идите к сторожке. Что вы хотите сказать, Павел Сергеевич?

Рюмин (оглядываясь). Сейчас... я скажу... (Опускает голову и молчит.)

Варвара Михайловна. Почему вы так таинственно оглядываетесь? Что такое?

(В глубине сцены проходит Сулов с правой стороны на левую, он что-то напевает. Слышен голос Басова: "Влас, вы хотели читать стихи. Куда же вы?")

Рюмин. Я начну сразу... Вы давно знаете меня...

Варвара Михайловна. Четыре года. Но что с вами?

Рюмин. Я волнуюсь немножко... мне страшно! Я не могу решиться сказать эти слова... Я хотел, бы... чтоб вы...

Варвара Михайловна. Не понимаю! Что мне нужно сделать?

Рюмин. Догадаться... Только догадаться!..

Варвара Михайловна. О чем? Вы говорите проще...

Рюмин (тихо). О том, что я давно уже... давно хочу сказать вам... Теперь... вы поняли?

(Пауза. Варвара Михайловна, сдвинув брови, сурово смотрит на Рюмина и медленно отходит в сторону от него.)

Варвара Михайловна (невольно). Какой странный день!

Рюмин (негромко). Мне кажется, всю жизнь я любил вас... не видя еще, не зная – любил! Вы были женщиной моей мечты... тем дивным образом, который создается в юности... Потом его ищут всю жизнь иногда – и не находят... А я вот встретил

вас... мечту мою...

Варвара Михайловна (спокойно). Павел Сергеевич! Не надо об этом говорить: я не люблю вас, нет!

Рюмин. Но... может быть... Позвольте мне сказать...

Варвара Михайловна. Что? Зачем?

Рюмин. Ну, что же делать? Что делать?

(Тихо смеется.) Вот и кончено! Как это просто все... Я соби-рался так долго... сказать вам это... и мне было приятно и жутко думать о часе, когда я скажу вам, что люблю... И вот – сказал!..

Варвара Михайловна. Но, Павел Сергеевич... что же я могу сделать?

Рюмин. Да... да... конечно... я понимаю! Знаете, на вас, на ваше отношение ко мне я возложил все мои надежды... а вот теперь нет их – и нет жизни для меня...

Варвара Михайловна. Не надо говорить так! Не надо делать мне больно... Разве я виновата?

Рюмин. А мне как больно! Надо мной тяготеет и давит меня неисполненное обещание... В юности моей я дал клятву себе и другим... я поклялся, что всю жизнь мою посвящу борьбе за все, что тогда казалось мне хорошим, честным. И вот я прожил лучшие годы мои – и ничего не сделал, ничего! Сначала я все собирался, выжидал, примеривался – и, незаметно для себя, привык жить покойно, стал ценить этот покой, бояться за него... Вы видите, как искренно я говорю? Не лишайте меня радости быть искренним! Мне стыдно говорить... но в этом стыде есть острая сладость... исповеди...

Варвара Михайловна. Но что же... что я могу сделать для вас?

Рюмин. Не любви прошу – жалости! Жизнь пугает меня настойчивостью своих требований, а я осторожно обхожу их и прячусь за ширмы разных теорий, – вы понимаете это, я знаю... Я встретил вас, – и вдруг сердце мое вспыхнуло прекрасной, яркой надеждой, что... вы поможете мне исполнить мои обещания, вы дадите мне силу и желание работать... для блага жизни!

Варвара Михайловна (горячо, с тоской и досадой). Я не могу! Поймите вы – я не могу! Я сама – нищая... Я сама в недоумении перед жизнью... Я ищу смысла в ней – и не нахожу! Разве это жизнь? Разве можно так жить, как мы живем? Яркой, красивой жизни хочет душа, а вокруг нас – проклятая суета безделья... Противно, тошно, стыдно жить так! Все боятся чего-то и хватаются друг за друга, и просят помощи, стонут, кричат...

Рюмин. И я прошу помощи! Теперь я слабый, нерешительный человек. Но если бы вы захотели!..

Варвара Михайловна (сильно). Неправда! Не верю я вам! Все это только жалобные слова! Ведь не могу же я переложить свое сердце в вашу грудь... если я сильный человек! Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может переродить его. Или она в нем, или ее нет! Я не буду больше говорить... в душе моей растет вражда...

Рюмин. Ко мне? За что?

Варвара Михайловна. О, нет, не к вам... ко всем! Мы живем на земле чужие всему... мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор... В душе моей растет вражда ко лжи, к обманам...

Рюмин. А я хочу быть обманутым, да! Вот я узнал правду – и мне нечем жить!

Варвара Михайловна (почти брезгливо). Не обнажайте передо мной вашей души. Мне жалко нищего, если это человек, которого ограбили, но если он прожил или рожден нищим, – я не могу его жалеть!..

Рюмин (оскорбленный). Не будьте так жестоки! Ведь вы тоже больной, раненый человек!

Варвара Михайловна (сильно, почти с гордостью). Раненый – не болен, у него только разорвано тело. Болен тот, кто отравлен.

Рюмин. Да пощадите! Ведь человек же я!..

Варвара Михайловна. А я? А я разве не человек? Я только что-то нужное для того, чтобы вам лучше жилось? Да? А это не жестоко? Я вижу, знаю: вы не один давали в юности клятвы и обещания, вас, может быть, тысячи изменивших своим клятвам...

Рюмин (вне себя). Прощайте! Я понимаю! Я опоздал! Да! Конечно... Только ведь и Шалимов тоже... Вы посмотрите на него... вы посмотрите, ведь и он...

Варвара Михайловна (холодно). Шалимов? Вы не имеете права...

Рюмин. Прощайте! Я не могу... прощайте!

(Быстро уходит в лес налево. Варвара Михайловна делает движение, как бы желая идти за ним, но тотчас же, отрицательно качнув головой, опускается на пень. В глубине сцены, около ковра с закусками, является Суслов, пьет вино. Варвара Михайловна встает, уходит в лес налево. С правой стороны быстро входит Рюмин, оглядывается и с жестом досады опускается на сено. Суслов, немного выпивший, идет к Рюмину, насвистывая.)

Суслов. Вы слышали?

Рюмин. Что?

Суслов (садится). Спор.

Рюмин. Нет. Какой?

Суслов (закуривая). Власа с писателем и Замысловым?

Рюмин. Нет...

Суслов. Жаль!

Рюмин. Не подожгите сено!

Суслов. Черт с ним!.. Да, они тут спорили... Но все это одно кривлянье... Я знаю. Я сам когда-то философствовал... Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия... и что еще там? Все это – мертвое... все – ложь! Человек прежде всего зоологический тип, вот истина. Вы это знаете! И как вы ни кривляйтесь, вам не скрыть того, что вы хотите пить, есть... и иметь женщину... Вот и все истинное ваше... Д-да! Когда говорит Шалимов, я понимаю: он литератор, игра словами – его ремесло, и когда говорит Влас, понимаю: он молод и глуп... Но, когда говорит Замыслов, этот жулик, это хищное животное, – мне хочется заткнуть ему глотку кулаком!.. Вы слышали? В хорошенькую историю он всадил Басова! Грязная история... Они сцапают тысяч пятьдесят... Басов и этот жулик, да!.. Но уже никто после этой истории не назовет их порядочными людьми! И эта гордая Варвара, которая все не решается выбрать себе любовника...

Рюмин. Вы говорите гадости! (Быстро уходит прочь.)

Суслов. Дурацкий кисель! (Справа выходит Пустобайка, он вынимает изо рта трубку и в упор смотрит на

Суслова.) Ну, чего ты уставился? Не видал людей? Ступай прочь!

Пустобайка. И уйду!.. (Медленно уходит.)

Суслов (разваливаясь на сене). "На земле весь род людской..." (Кашляет.) Все вы – скрытые мерзавцы... "Люди гибнут за металл..." Ерунда... Деньги ничто... когда

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

они есть... (дремлет) а боязнь чужого мнения – нечто... если человек... трезв... и все вы – скрытые мерзавцы, говорю вам... (Засыпает. Дудаков и Ольга тихо идут под руку. Она крепко прижалась к его плечу и смотрит в лицо его.)

Дудаков. И... конечно – не правы мы оба... Завертелись, засуетились... и потеряли уважение друг к другу. Да и за что тебе уважать меня? Что я такое?

Ольга Алексеевна. Милый мой Кирилл... ты отец моих детей... Я уважаю... я люблю тебя...

Дудаков. Я устаю и... распускаюсь, и не могу удерживать мои нервы... а ты все так близко принимаешь к сердцу... и вот создается это адское положение...

Ольга Алексеевна. Ты у меня один в целом свете... Ты и наши детки! Ведь у меня – никого...

Дудаков. Ты вспомни, Ольга... когда-то мы с тобой... разве о такой жизни мечтали мы? (Юлия Филипповна и Замыслов являются за деревьями с левой стороны.) Да...

Ольга Алексеевна. Но что же делать? Что делать? Ведь у нас – дети! Они требуют внимания...

Дудаков. Да... дети... я понимаю. Но порой задумаешься...

Ольга Алексеевна. Милый мой!.. Что же делать?

(Уходят в лес.)

Юлия Филипповна (выходя, смеется). Торжественно и трогательно! Какой урок мне!

Замыслов. Это предисловие к пятому ребенку... или к шестому уже? Ну, милая Юлька, так я жду?

Юлия Филипповна (насмешливо). Уж я не знаю, как теперь... они были так милы... не вернуться ли и мне на стезю добродетели, глупенький мой?

Замыслов. Это потом, Юлька...

Юлия Филипповна. Да, это потом; я решаю остаться на пути порока, и пусть мой дачный роман умрет естественной смертью. О чем вы так кричали с Власом и писателем?

Замыслов. Сегодня этот Влас какой-то полоумный... Разговор зашел о вере...

Юлия Филипповна. И – во что же ты веришь?

Замыслов. Я? Только в себя, Юлька... Верю только в мое право жить так, как я хочу!

Юлия Филипповна. А вот я ни во что не верю...

Замыслов. У меня в прошлом голодное детство... и такая же юность, полная унижений... суровое прошлое у меня, дорогая моя Юлька! Я много видел тяжелого и скверного... я много перенес. Теперь – я сам судья и хозяин своей жизни – вот и все!.. Ну, я ухожу... до свиданья, моя радость!.. Нам все-таки нужно держаться поосторожнее... подальше друг от друга...

Юлия Филипповна (с пафосом). Вдали, вблизи – не все ль равно, о мой рыцарь? Кого бояться нам, столь безумно влюбленным?

Замыслов. Исчезаю, роскошь моя!.. (Уходит в лес. Юлия Филипповна смотрит вслед ему, оглядывает поляну, свободно и глубоко вздыхает. Идет к сену, негромко напевая:

Томимую душу тоской,

Как мать дитя, успокой.

Дачники. Максим Горький gorkiytext.ru

Видит мужа. Останавливается, вздрагивает, несколько секунд стоит неподвижно и смотрит. Хочет идти прочь, но поворачивается и с улыбкой садится рядом с мужем. Щекочет лицо ему стеблем травы. Суслов мычит.)

Юлия Филипповна. Очень музыкально...

Суслов. А... черт! Это ты?..

Юлия Филипповна. Как от тебя пахнет вином! Целый стог сена не может заглушить этого запаха. Ты разоришься на дорогом вине, мой друг!

Суслов (протягивает к ней руки). Ты... так близко... Я уже забыл, Юлия, когда это было...

Юлия Филипповна. И бесполезно вспоминать эти счастливые моменты, мой друг... Слушай, хочешь сделать мне удовольствие?

Суслов. Какое? Говори – я готов! Поверь мне, Юлия... я на все готов для тебя...

Юлия Филипповна. Именно таким и должен быть любящий муж!

Суслов (целуя ее руку). Ну, скажи мне... чего ты хочешь?

Юлия Филипповна (вынимая из кармана маленький револьвер). Давай застрелимся, друг мой! Сначала ты... потом я!

Суслов. Какая тяжелая шутка, Юлия... Брось эту гадость... ну, брось, прошу тебя!

Юлия Филипповна. Подожди... убери прочь твою руку! Тебе не нравится мое предложение? Но ты же собираешься застрелить меня?.. Я застрелилась бы первой, но, боюсь, ты меня обманешь и останешься жить, а мне не хочется быть обманутой еще раз, и я не хочу разлучаться с тобой... я буду жить с тобой долго-долго... ты рад?

Суслов (подавленно). Слушай, Юлия, так нельзя... нельзя!

Юлия Филипповна. Можно – ты видишь! Ну, хочешь, я сама застрелю тебя?

Суслов (закрываясь от нее рукой). Не смотри на меня так! Это черт знает что! Я – уйду... я не могу!..

Юлия Филипповна (весело). Иди... Я выстрелю тебе в спину... Ах нельзя... вот шествует Марья Львовна... славная женщина! Отчего бы тебе, Петр, не влюбиться в нее? У нее такие красивые волосы!

Суслов (негромко). Ты сводишь меня с ума! За что? За что ты ненавидишь меня?

Юлия Филипповна (пренебрежительно). Тебя нельзя ненавидеть...

Суслов (тихо, задыхаясь). Ты так мучаешь меня, но – за что? Скажи!

(Марья Львовна задумчиво идет, наклонив голову, согнувшись. Суслов стоит против жены, упорно следя за револьвером в ее руке.)

Юлия Филипповна. Марья Львовна! Идите сюда... Ты, Петр, сделал из меня мерзкую женщину... Ступай, иди!

Марья Львовна, мы скоро едем домой?

Марья Львовна. Не знаю, право! Все куда-то разбрелись... Вы не видали Варвару Михайловну?

Юлия Филипповна. Она, вероятно, с этим писателем. Ты, кажется, хотел идти на реку? Иди, нам без тебя не будет скучно...

(Суслов молча уходит.)

Марья Львовна (рассеянно). Как вы строго.

Юлия Филипповна. Это не вредно. Какой-то философ, говорили мне, советует мужчине: когда идешь к женщине, бери с собой плеть:

Марья Львовна. Это Ницше:

Юлия Филипповна. Да? Он, кажется, был полоумным? Я не знаю философов ни умных, ни полоумных, но если бы я была философом, я сказала бы женщине: подходя к мужчине, моя милая, бери с собой хорошее полено. (С левой стороны, в глубине поляны, являются Ольга Алексеевна и Калерия, они садятся около ковра с закусками.) Говорили мне также, что у одного племени дикарей существует такой милый обычай: мужчина, перед тем как сорвать цветы удовольствия, бьет женщину дубиной по голове. У нас, людей культурных, это делают после свадьбы. Вас по голове дубиной били?

Марья Львовна. Да-а...

Юлия Филипповна (с улыбкой). Дикари честнее - не правда ли? А почему вы такая хмурая?

Марья Львовна. Не спрашивайте... Вам тяжело жить?

(Справа идет Двоеточие без шляпы, с удочкой в руках.)

Юлия Филипповна (смеясь). Кто слышал мои стоны?.. Я всегда веселая... А вот дядюшка... Вам нравится он? Мне - очень.

Марья Львовна. Да, он славный...

Двоеточие (подходя). А шляпа моя так и уплыла. Поехала молодежь спасать ее и окончательно утопила! Нет ли у кого лишнего платочка, голову повязать? А то, понимаете, комары лысину кусают.

Юлия Филипповна (встает). Подождите, сейчас принесу.

(Отходит в глубину сцены.)

Двоеточие. А там сейчас господин Чернов всех потешал... славный паренек!

Марья Львовна. Он... веселый?

Двоеточие. Удивительно! Так и сверкает весь!.. Стихи свои всё читал. Попросила его какая-то барыня стихи в альбом ей написать; он, понимаете, и написал. Вы, говорит, смеясь, в глаза мне поглядели, но попал, говорит, мне в сердце этот взор и, увы, вот слишком две недели я, говорит, не сплю, сударыня, с тех пор... понимаете! А дальше...

Марья Львовна (торопливо). Не надо, Семен Семенович, дальше... Я знаю эти стихи... Скажите... вы долго здесь проживете?

Двоеточие. Да я думал, понимаете, у племянника до конца дней основаться... а с его стороны не вижу охоты поддержать меня в этом намерении. А деваться мне некуда... никого у меня нет... деньги есть... а больше ничего нет!

Марья Львовна (рассеянно, не глядя на него). Вы в самом деле богатый?

Двоеточие. Около миллиона у меня, понимаете. Хо-хо! около миллиона. Умру - все Петру останется... но его это, по-видимому, не прельщает. Не ласков он со мной, да. Вообще он какой-то нежелающий... ничего не нужно ему... не понимаю я его! Положим, он знает, что все равно его деньги будут - чего же ему беспокоиться? Хо-хо!

Марья Львовна (с большим интересом). Эх вы, бедный!.. Вы бы употребили их на какое-нибудь общественное дело - все лучше, больше смысла!

Двоеточие. Н-да! Мне это советовал один мон шер, да не люблю я его, понимаете. Жулик он рыжий, хоть и притворяется либералом. А, по совести говоря, жалко мне эти деньги Петру оставлять. На что ему? Он и теперь сильно зазнался. (Марья

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Львовна смеется, Двоеточие внимательно смотрит на нее.) Чего вы смеетесь? Глупым кажусь? Нет, я не глупый... а просто – не привык жить один. Э-эхма! Вздохнешь да охнешь, об одной сохнешь, а раздумаешься – всех жалко! А... хороший вы человек, между прочим...

(Смеется.)

Марья Львовна. Спасибо!

Двоеточие. Не на чем. Вам спасибо! Вот вы говорите мне – бедный... хо-хо! Этого я никогда не слышал... все говорили – богатый! Хо-хо! И сам я думал – богатый... А оказалось: бедный я...

Юлия Филипповна (подходит, в руках у нее платок). Вы, дядя, объясняетесь в любви?

Двоеточие. Куда мне, к лешему! Я теперь только на уважение способен... Повяжи-ка покрасивее... И пойду закушу чего-нибудь на дорогу-то...

Юлия Филипповна. Вот... очень идет к вам!

Двоеточие. Ну, и врешь! У меня лицо мужественное. Идем закусывать. Я все хочу спросить тебя, – ты мужа-то не любишь?

Юлия Филипповна. А по-вашему, его можно любить?

Двоеточие. А на что замуж за него вышла?

Юлия Филипповна. А он интересным прикинулся...

Двоеточие (хохочет). Э, ну тебя к богу!..

(Все трое уходят в глубину сцены. Там начинается шум и смех, негромкий, но непрерывный. С левой стороны выходят: Басов, выпивший, Шалимов, Дудаков и Влас. Последний идет в глубину сцены, а первые трое – на сено.)

Замыслов (кричит в лесу). Господа! Пора домой!

Басов. Чудные здесь места, Яша? Хорошая прогулка, а?

Шалимов. Ты же все сидел, как сыч. Сидел и пил... и размок...

(В глубине сцены Соня повязывает платок на голове Двоеточия. Смех. Из леса, около ковра с закусками, выходит Замыслов, берет бутылку вина и стаканы и идет к Басову, за ним идет

Двоеточие, отмахиваясь руками от Сони.)

Басов (опускаясь на сено). Я и опять сяду... Наслаждаться природой надо сидя... Природа, леса, деревья... сено... люблю природу! (Почему-то грустным голосом.) И людей люблю... Люблю мою бедную, огромную, нелепую страну... Россию мою! Всё и всех я люблю!.. У меня душа нежная, как персик! Яков, ты воспользуйся, это хорошее сравнение: душа нежная, как персик...

Шалимов. Хорошо, я воспользуюсь!

Соня. Семен Семенович, позвольте!

Двоеточие. Будет! Насмеялись над стариком... Обиделся я... Хо-хо!

Басов. А, вино! Налейте мне. Как хорошо! Как весело, милые мои люди! Славное это занятие – жизнь... для того, кто смотрит на нее дружески, просто... К жизни надо относиться дружески, господа, доверчиво... Надо смотреть ей в лицо простыми, детскими глазами, и все будет превосходно. (Двоеточие стоит около пня и хохочет, слушая болтовню Басова.) Господа! Посмотрим ясными, детскими глазами в сердца друг другу – и больше ничего не нужно. А дядя – смеется... Он поймал молодого, веселого окуня... а я взял окуня и пустил его назад, в родную стихию. Потому что я – пантеист, это факт! Я и окуня люблю... а дядя утопил свою шляпу – вот!

Шалимов. Заболтался ты, Сергей!

Басов. Не суди – да не судим будешь... А говорю я не хуже тебя... ты человек красивого слова, и я человек красивого слова! Вот я слышу голос Марьи Львовны... Превосходная женщина... достойна глубокого уважения!

Шалимов. А мне не нравится эта митральеза... Я вообще не поклонник женщин, достойных уважения...

Басов (радостно). И это – верно! Недостойные уважения женщины – лучше достойных, они лучше, это факт!

Двоеточие. И что говорит!.. Будучи женат на такой, можно сказать, королеве...

Басов. Моя жена? Варя? О! Это пуристка! Пуританка! Это удивительная женщина, святая! Но – с ней скучно! Она много читает и всегда говорит от какого-нибудь апостола. Выпьем за ее здоровье!

Шалимов. Заключение весьма неожиданное! А все-таки Марья Львовна. ..

Басов (перебивая). Ты знаешь, – у нее роман с моим письмоводителем, это факт! Я видел, как он объяснялся ей в любви!

Двоеточие. Мм... об этом, пожалуй, лучше бы не говорить. (Идет прочь.)

Басов. О, да! Это секрет!

Калерия (подходит). Сергей! Ты Варю не видал?

Басов. Вот моя сестра! Моя милая поэтесса... Яков, она читала тебе свои стихи? О, ты послушай – очень мило! Так высоко всё! Облака... горы... звезды...

Калерия. Ты, кажется, выпил? да?

Басов. Всего один стакан.

Замыслов. Из этой бутылки.

Шалимов. Меня весьма интересуют ваши поэтические опыты, Калерия Васильевна.

Калерия. Вдруг я приму слова ваши как правду и принесу вам четыре толстейших тетради!

Шалимов. Не пугайте... я не робкий...

Калерия. Увидим.

Юлия Филипповна (в лесу поет). Пора домой... домой!..

(Калерия отходит в правую сторону, встречается с Соней. Замыслов идет на голос Юлии Филипповны. Басов подмигивает вслед ему и, наклонясь к Шалимову, что-то шепчет ему. Шалимов, слушая его, смеется.)

Калерия. Собираемся домой?

Соня. Да, все устали...

Калерия. Когда я выхожу куда-нибудь из дома, вместе со мной всегда идет какая-то смутная надежда... а возвращаюсь домой – я одна... С вами этого не бывает – да?

Соня. Не бывает.

Калерия. Будет.

Соня (смеясь). Мне почему-то кажется, что вы говорите грустные вещи с удовольствием.

Дачники. Максим Горький gor.kiutaхim.ru

Калерия. Да? Мне хочется покрыть тревожною тенью думы ваши ясные глаза. Я часто вижу около вас каких-то грубых, оборванных людей – и удивляюсь вашему бесстрашию перед грязью жизни... Вам не противно быть с ними?

Соня (смеясь). Ведь грязь у них на коже – она легко смывается мылом.

(Уходят в глубину, разговор становится неясен.)

Шалимов (вставая). Ты – злаязычен, Сергей... Смотри – сам муж...

Басов. Я?

Шалимов. Природа – прекрасна, но зачем существуют комары? Где-то тут я бросил мой плэд?

(Идет направо. Басов потягивается и мурлычет песенку. В глубине сцены Саша, Соня и Пустобайка собирают вещи. На левой стороне, около копны сена, появляется Варвара Михайловна, в руках у нее букет.)

Влас (в лесу). Кто едет в лодке, господа?

Басов. Варя! ты гуляешь? А я один. Все ушли.

Варвара Михайловна. Ты снова много выпил, Сергей...

Басов. Разве много?

Варвара Михайловна. Ведь тебе вреден коньяк. Потом будешь жаловаться на сердце.

Басов. Но я преимущественно портвейн... Не осуждай меня, Варя! Ты всегда говоришь со мной так жестко и строго, а я... я человек мягкий... я все люблю нежной любовью ребенка... дорогая моя, сядь здесь!.. И поговорим, наконец, по душе. Нам нужно поговорить...

Варвара Михайловна. Перестань! Уже собираются домой... Вставай и иди к лодке... ну, иди, Сергей!

Басов. Хорошо – иду! Куда идти? Туда? Иду...

(Идет, слишком твердо ступая ногами. Варвара Михайловна смотрит вслед ему. Лицо у нее суровое. Оглянувшись направо, она видит Шалимова, который тихо подходит к ней и ласково улыбается.)

Шалимов. Лицо у вас утомленное, глазки грустные... Вы устали?

Варвара. Михайловна. Немножко.

Шалимов. А я сильно устал... Устал смотреть на людей... И мне больно видеть вас среди них. Простите!

Варвара Михайловна. За что?

Шалимов. Вам, может быть, неприятны мои слова?

Варвара Михайловна. Я сказала бы вам это...

Шалимов. Я смотрю на вас, как вы молча ходите к этой шумной толпе и глаза ваши безмолвно спрашивают... И ваше молчание – для меня красноречивее слов... Я ведь тоже испытал холод и тяжесть одиночества...

Соня (кричит). Мама! Ты в лодке?

Марья Львовна (из леса). Нет, я пешком.

Варвара Михайловна (протягивает Шалимову цветок). Хотите взять?

Шалимов (с поклоном и улыбкой). Благодарю вас. Я ревниво храню цветы, когда мне дают их так дружески просто. (Влас в лесу направо: "Эй, сторож, где вторые

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
весла?" Он будет лежать, ваш цветок, где-нибудь в книге у меня... Однажды я
возьму эту книгу, увижу цветок – и вспомню вас... Это смешно? Сантиментально?

Варвара Михайловна (негромко, опустив голову). Говорите...

Шалимов (пытливо заглядывая ей в лицо). А должно быть, вам очень тоскливо среди
этих людей, которые так трагически не умеют жить.

Варвара Михайловна. Научите их жить лучше!

Шалимов. Во мне нет самонадеянности учителей... Я – чужой человек, одинокий
созерцатель жизни... я не умею говорить громко, и мои слова не пробудят смелости
в этих людях. О чем вы думаете?

Варвара Михайловна. Я? Есть такие мысли... они отталкивают от людей... их надо
убивать в зародыше...

Шалимов. И тогда ваша душа будет кладбищем... Нет, не надо бояться, что отойдешь
от людей... Поверьте мне, в стороне от них – воздух более чист и прозрачен, всё
яснее, всё определеннее...

Варвара Михайловна. Я понимаю вас... и мне так грустно, как будто кто-то очень
близкий мне – неизлечимо заболел...

(На правой стороне шумят.)

Шалимов (не вслушиваясь в ее слова). Если бы вы поняли... как искренно я сейчас
говорю!.. Вы не поверите мне, может быть, но я все же скажу вам: перед вами мне
хочется быть искренним, быть лучше, умнее...

Варвара Михайловна. Спасибо вам...

Шалимов (целуя ее руку, волнуясь). Мне кажется, что, когда я рядом с вами... я
стою у преддверия неведомого, глубокого, как море, счастья... Что вы обладаете
волшебной силой, которой могли бы насытить другого человека, как магнит насыщает
железо... И у меня рождается дерзкая, безумная мысль... Мне кажется, что если бы
вы... (Он прерывает свою речь, оглядывается. Варвара Михайловна следит за ним.)

Варвара Михайловна. Если бы я?.. Что?

Шалимов. Варвара Михайловна... Вы... не посмеетесь надо мной? Вы хотите, чтобы я
сказал?..

Варвара Михайловна. Нет... Я поняла... Вы не очень ловкий соблазнитель...

Шалимов (смущенно). Нет, вы не поняли меня!.. вы...

Варвара Михайловна (просто, грустно, тихо). Как я любила вас, когда читала ваши
книги... как я ждала вас! Вы мне казались таким... светлым, все понимающим...
Таким вы показались мне, когда однажды читали на литературном вечере... мне было
тогда семнадцать лет... и с той поры до встречи с вами ваш образ жил в памяти
моей, как звезда, яркий... как звезда!

Шалимов (глухо, опустив голову). Послушайте... не надо! Я извиняюсь...

Варвара Михайловна. Задыхаясь от пошлости, я представляла себе вас – и мне было
легче... была какая-то надежда...

Шалимов. Надо быть великодушной... надо понимать...

Варвара Михайловна. И вот вы явились... такой же, как все! Такой же... Это
больно! Скажите, что с вами случилось? Неужели невозможно сохранить силу своей
души?

Шалимов (возбужденно). Позвольте! Почему вы применяете ко мне иные требования...
иные мерки, чем вообще к людям?.. Вы все... живете так, как вам нравится, а я,
потому что я писатель, должен жить, как вы хотите!

Дачники. Максим Горький gorikiy.ucoz.ru
Варвара Михайловна. Не надо так говорить! Не надо! Бросьте мой цветок!.. Я дала его вам – преждему, тому, которого считала лучше, выше людей! Бросьте мой цветок... (Быстро уходит.)

Шалимов (глядя вслед). Черт возьми!.. (Мнет цветок.)

Ехидна. (Нервно вытирая лицо платком, идет туда же, куда прошла Варвара Михайловна. Дудаков и Ольга быстро идут из леса с левой стороны.)

Замыслов (в лесу поет). "О ночь, поскорее укрой!.."

Юлия Филипповна (вторит). "...Прозрачным твоим покрывалом!.."

Влас (в лесу). Да садитесь же!

Дудаков. И вот... мы едва не опоздали...

Ольга Алексеевна. Я так устала! Милый мой Кирилл... ты не должен забывать этот день...

Дудаков. А ты... своих обещаний... быть более сдержанной...

Ольга Алексеевна. Друг мой! Я так рада... теперь наша жизнь будет светлее...

(Проходят. Пустобайка с корзиной выходит с правой стороны и ищет чего-то глазами на земле.)

Пустобайка. Ишь, как нахламили везде... Только хлам да сорье и остается после вас... Только землю портите!.. (Уходит налево.)

Юлия Филипповна (в лесу). Кого еще нет?

Соня. Мама, ау!

Басов. Ау, мамаша!

Марья Львовна (выходит с левой стороны, лицо у нее усталое, растерянный взгляд). Я здесь, Соня!

Соня (выбегает). Едем, мамашка, едем!.. Но что с тобой?

Марья Львовна. Ничего... Я пойду пешком... Иди, скажи, чтобы не ждали меня. Иди...

Соня (отбегая в сторону и приставляя руки ко рту, кричит). Не ждите нас, поезжайте! Мы пешком... Что? До свиданья!

Двоеточие (из леса). Устанете!

Соня. Прощайте!

Марья Львовна. Почему ты не поехала с ними?

Соня. Потому, что осталась с тобой...

Марья Львовна. Ну, идем...

Соня. Нет, мы посидим... Ты в меланхолии, мамашка? Милая моя мамашка! Садись... вот так. Дай мне обнять тебя... вот так... Ну, говори теперь, что с тобой?

(Из леса доносятся шум, смех, выделяются громкие возгласы.)

Юлия Филипповна (из леса). Не качайте лодку!

Замыслов. Нет, не надо петь!.. Пускай играют.

Басов (оттуда же). Музыка, вперед!

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Слышно, как настраивают гитару и мандолину.)

Влас (из леса). Отчалили!..

Марья Львовна. Соня!.. Дочка моя! Если бы ты знала!..

Соня (просто). А я знаю!

Марья Львовна. Ты ничего не знаешь!..

Соня. Мамочка моя! Помнишь, – когда я, маленькая, не понимала урока и ревела, как дурочка, ты приходила ко мне, брала мою голову на грудь себе, вот так, и баюкала меня. (Поет.)

Баю, баюшки баю,

Баю мамочку мою...

Мне кажется, что теперь ты не понимаешь урока, моя мама... Если ты его любишь...

(Двоеточие хохочет.)

Марья Львовна. Соня! Молчи... Как ты знаешь?

(Играют на гитаре и на мандолине.)

Соня. Ш-ш! Лежи спокойно...

Баю, баюшки баю,

Баю мамочку мою...

У меня мама умница, она научила меня думать просто, ясно... Он славный парень, мама, – не отталкивай его! В твоих руках он будет еще лучше. Ты уже создала одного хорошего человека – ведь я недурной человечиска, мама? И вот ты теперь воспитаешь другого...

Марья Львовна. Родная моя! Это невозможно!

Соня. Ш-ш! Он будет братом мне... Он груб, ты сделаешь его мягче, у тебя так много нежности... Ты научишь его работать с любовью, как работаешь сама, как научила меня. Он будет хорошим товарищем мне... и мы заживем прекрасно... сначала трое... а потом нас будет четверо... потому что, родная моя, я выйду замуж за этого смешного Максима... Я люблю его, мама, он такой славный!

Марья Львовна. Соня, детка моя, ты будешь счастлива! Ты будешь!..

Соня. Лежи и слушай! Кончим мы с ним наши науки и будем жить дружно, ярко, хорошо! Нас будет четверо, мама, четверо смелых, честных людей!..

Марья Львовна. Радость моя! Счастье мое! Нас будет трое: ты, твой муж и я. А он... если он – с нами... только как брат твой... как сын мой.

Соня. И мы хорошо проживем нашу жизнь! Мы хорошо ее сделаем! А пока отдохни, мама. Не надо плакать!..

Баю, баюшки баю,

Баю мамочку мою!

(В голосе Сони дрожат слезы. Вдали чуть слышны, гитара и мандолина.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация второго действия. Вечер, уже зашло солнце. Под соснами Басов и Суслов играют в шахматы. На террасе Саша накрывает на стол к ужину. С правой стороны из

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
леса доносятся хриплые звуки граммофона; в комнатах Калерия играет на рояле что-то грустное.

Басов. Наша страна прежде всего нуждается в людях благожелательно настроенных. Благожелательный человек – эволюционист, он не торопится...

Суслов. Беру офицера...

Басов. Возьми офицера... Благожелательный человек... изменяет формы жизни незаметно, потихоньку, но его работа есть единственно прочная...

(Из-за угла дачи спешно выходит Дудаков.)

Дудаков. Э... жены у вас нет?

Басов. Вашей – нет! Присаживайтесь, доктор...

Дудаков. Не могу... Тороплюсь... надо учительский отчет приготовить к печати...

Басов. Это вы его второй год готовите, кажется?

Дудаков (уходя). Если кроме меня никто не работает! Людей много, а работников нет – почему?

Басов. Нелепая фигура – этот доктор.

Суслов. Ходи...

Басов. Н-да-с... хожу! Так я говорю, – надо чувствовать благожелательно. Мизантропия, мой друг, излишняя роскошь... Одиннадцать лет тому назад явился я в эти места... и было у меня всего имущества портфель да ковер. Портфель был пуст, а ковер – худ. И я тоже был худ...

Суслов. Шах королеве.

Басов. Ах, черт побери! Как же это я прозевал твой ход конем?

Суслов. Если человек философствует – он проигрывает...

Басов. Факт, факт – как говорят утки...

(Они углубляются в игру. На правой стороне из леса выходят Влас и Марья Львовна, им не видно играющих.)

Марья Львовна (негромко). Милый, хороший мой юноша! Поверьте... это скоро пройдет у вас... это пройдет. И тогда в душе вы скажете мне спасибо!

Влас (громко). Тяжело мне, очень тяжело!

(Басов прислушивается, делая Суслову знак молчать.)

Марья Львовна. Уезжайте... уезжайте скорее, голубчик! Я обещаю писать вам... Работайте, ищите себе места в жизни... будьте смелым, не уступайте никогда силе житейских мелочей. Вы – славный, и я – люблю вас. Да, да, я люблю вас. (Басов тарачит глаза. Суслов с улыбкой смотрит на него.) Но это не нужно вам и страшно мне... я не стыжусь сознаться – это страшно! Вы быстро переживете ваше увлечение, а я... чем дальше, все больше, все крепче стала бы любить вас... И это кончилось бы очень смешно, даже пошло, – во всяком случае грустно для меня...

Влас. Нет, клянусь вам...

Марья Львовна. Да и не нужно клятва...

Влас. Пройдет любовь – останется уважение...

Марья Львовна. Этого мало для женщины, которая любит... И вот еще что, голубчик: мне стыдно жить личной жизнью... может быть, это смешно, уродливо, но в наши дни

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
стыдно жить личной жизнью. Идите, друг мой, идите и знайте: в трудную минуту, когда вам нужен будет друг, – приходите ко мне... я встречу вас как любимого, нежно любимого сына... Прощайте?

Влас. Дайте вашу руку... Мне хочется встать перед вами на колени... Как я люблю вас! И хочется плакать... Прощайте!

Марья Львовна. Прощайте, хороший, милый мой! И помните мой совет – не нужно ничего бояться... Не подчиняйтесь ничему, никогда... никогда!

Влас. Я ухожу... Любовь моя! Чистая, первая любовь моя! Благодарю. (Марья Львовна быстро уходит в лес направо. Влас идет на дачу, видит Басова и Сулова, понимает, что они слышали; он останавливается. Басов встает и кланяется, хочет что-то сказать. Влас идет к нему.) Молчать! Молчать! Ни слова! Не смейте, – ни слова! (Уходит на дачу.)

Басов (смущенно). С-строго!

Сулов (смеясь). Что? Испугался?

Басов. Нет, каков? Я знал это, но такое... эдакое благородство... ах, комики! (Хохочет: Юлия Филипповна и Замыслов идут по дороге от дачи Сулова. Юлия идет к мужу. Замыслов на дачу.)

Сулов. А ведь она нарочно, для того, чтобы крепче парня в руки взять....

Басов. Ах, черт возьми! а? Уморительно!

Сулов (хмуро). Хитрая она... здоровую свинью подложила мне. Ты знаешь, дядя, по ее совету, все свои деньги отдал...

Юлия Филипповна. Петр, к тебе там приехал...

Басов (перебивая). Нет, вы спросите, что случилось!

Сулов. Кто приехал?

Юлия Филипповна (Басову). Что такое? (Мужу.) Какой-то подрядчик... говорит; спешное дело: где-то, что-то провалилось.

Сулов (быстро уходит). Что за вздор!

Басов. Вы представьте, дорогая... Сидим мы – я и ваш муж, вдруг Марья Львовна... (хохочет) оказывается, они – у них роман!

Юлия Филипповна. У кого? У мужа с Марьей Львовной? (Смеется.)

Басов. У Власа! У комика с этой...

Юлия Филипповна. Ах, вот что! Но это всем давно уже, благодаря вашему языку, известно...

Басов. Да тут, видите, дело... в подробностях...

(Из-за угла дома выходят Двоеточие, со свертками в руках, и Рюмин.)

Двоеточие. Мир беседе! Что, Варвара Михайловна дома? Вон я кого привез.

Басов. Ба! Из дальних странствий возвратись... Здравствуйте! Похорошел, загорел, хотя похудел, да... Откуда вы?

Рюмин. С юга. Первый раз видел море... Здравствуйте, Юлия Филипповна!

Юлия Филипповна. В самом деле, вы похорошили, Павел Сергеевич, пожалуй, и я поеду к морю.

Двоеточие. Пойду в комнаты... (идет.) Племянница, а я тебе на прощанье конфет привез.

Басов.

Я видел море... Я его

Очами жадными измерил

И силы духа моего

Перед лицом его проверил...

Так? Идите в дом, жена будет очень рада!

Рюмин. Там хорошо! Разве только музыка способна изобразить красоту и величие моря. Перед лицом его человек чувствует себя маленьким – ничтожной пылинкой, как перед лицом вечности.

(Из-за угла дома выходит Варвара Михайловна.)

Басов. Я соберу шахматы. Варя, приехал Павел Сергеевич, знаешь?

Варвара Михайловна. Он у нас?

Басов (подходя к ней). Да. И кажется, очень пополнил свой запас красивых слов... Варюша, если бы ты знала! Сижу я с Суловым, играю, вдруг Марья Львовна и Влас... понимаешь – у них роман! (Смеется.) Вот ты говорила, это не то. То самое, самое оно! Факт!

Варвара Михайловна. Сергей, перестань! Я боюсь, ты скажешь пошлость...

Басов. Варя! да ведь я еще не сказал...

Варвара Михайловна. Я просила тебя не касаться отношений Марьи Львовны к моему брату, а ты разболтал всем... Неужели ты не понимаешь... как это нехорошо?

Басов. Ну, пошла! Право, с тобой лучше не говорить ни о чем...

Варвара Михайловна. Да, тебе вообще надо меньше говорить и хоть однажды подумать о том, что ты делаешь, и хоть однажды прислушаться к тому, что о тебе говорят, Сергей...

Басов. Обо мне? Я – выше сплетен... Пускай говорят всё, что угодно! Но меня удивляет, что ты, Варя, ты, моя жена...

Варвара Михайловна. Честь быть твоей женой... не так высока, как ты думаешь... и она очень тяжела, эта честь...

Басов (возмущаясь). Варвара, что ты говоришь! Как ты говоришь?

(На террасу выходят Двоеточие и Влас.)

Варвара Михайловна. Я говорю то, что думаю... и как чувствую.

Басов. Я однако попрошу тебя объяснить мне.

Варвара Михайловна. Хорошо, я объясню после.

(Басов, фыркая, уходит на дачу. Влас провожает его недружелюбным взглядом, садится на нижнюю ступеньку лестницы на террасе.)

Двоеточие. Варвара Михайловна, а я вам конфет привез.

Варвара Михайловна. Спасибо!

Двоеточие (садится тоже на ступеньку террасы). Я всем дамам конфет привез... чтобы не поминали лихом, – задобрить хочу, понимаете. Портретик-то ваш дайте мне.

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Варвара Михайловна. Ах, да! Сейчас. (Уходит в комнаты.)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас, поехали мы?

Влас. Скорее бы!

Двоеточие. Меньше суток осталось. Н-да! Вот бы еще сестру вашу сманить. Нечего ей тут делать...

Влас (угрюмо). Здесь всем нечего делать.

Двоеточие. А я рад, что вы со мной едете. Городишко у нас маленький, красивый; кругом лес, река... Дом у меня огромный – десять комнат. В одной кашлянесь – по всем гул идет. Зимой, когда вьюга воет, очень гулко в комнатах. Н-да! (Соня быстро идет с правой стороны.) В юности, понимаете, одиночество полезно человеку... а вот под старость лучше вдвоем, хо-хо! А, озорница!.. Прощайте! Завтра я уезжаю, а послезавтра вы забудете старика, точно его и нет на свете...

Соня. Нет, не забуду. У вас такая смешная фамилия.

Двоеточие. Только-то? Ну, и на том спасибо!

Соня. Нет, милый дедушка, право, я не забуду вас! Вы такой простой, хороший! А я так люблю простых людей! Но... вы не видали маму мою?

Двоеточие. Не имел удовольствия.

Влас. На даче ее нет. Пойдемте, поищем... Может быть, она в беседке над рекой.

Калерия. И я иду, вы ничего не имеете против?

Соня. Пожалуйста!

(Втроем идут в лес. Двоеточие смотрит вслед им, вздыхает, мурлычет песенку. Варвара Михайловна выходит с фотографической карточкой в руках, за ней Рюмин.)

Варвара Михайловна. Вот вам карточка моя. Когда вы едете?

Двоеточие. Завтра. Спасибо за надпись! Эх, милая барыня, полюбил я вас!

Варвара Михайловна. За что любить меня?

Двоеточие. Да разве любят за что-нибудь? Любят так, просто!.. Настоящая любовь – она, как солнце в небе, неизвестно на чем держится.

Варвара Михайловна. Не знаю я этого...

Двоеточие. Вижу, что не знаете... Ехали бы вы ко мне. Вот братишка ваш едет. Нашли бы себе какое-нибудь дело.

Варвара Михайловна. Что же я могу делать? Ничего я не умею!

Двоеточие. Не учились, оттого и не умеете. А вы поучитесь! Вот будем мы с Власием гимназии строить... мужскую и женскую...

Рюмин (рассеянно). Чтобы жизнь имела смысл, нужно делать какое-то огромное, важное дело... следы которого остались бы в веках... Нужно строить какие-то храмы...

Двоеточие. Ну, это – премудрость, для меня недоступная! Я и до гимназии-то не сам дошел, а добрый человек надоумил, да...

Рюмин. Даже высшие школы дают нам только ряд противоречивых теорий, только догадки о тайнах жизни...

Варвара Михайловна (с досадой). Господи! Как это скучно! Как избито... затрепано...

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Рюмин (смотрит на всех и странно; тихо смеется). Да, я знаю: это мертвые слова, как осенние листья... Я говорю их так, по привычке... не знаю зачем... может быть потому, что осень настала... С той поры, как я увидел море – в моей душе звучит, не умолкая, задумчивый шум зеленых волн, и в этой музыке тонут все слова людей... точно капли дождя в море...

Варвара Михайловна. Вы странный какой-то... Что с вами?

(Калерия и Влас идут из леса с правой стороны.)

Рюмин (смеясь). Ничего... Уверяю вас.

Калерия. Твердо стоять на ногах – это значит стоять по колени в грязи.

Влас. А вы бы желали утвердиться на воздухе? Вам бы все только чистоту шлейфа и души сохранить? Но кому, зачем нужны вы, чистенькие, холодненькие?

Калерия. Я себе нужна!..

Влас. Заблуждение! И себе вы не нужны...

Калерия. Я не хочу говорить с вами – вы грубы. (Быстро уходит в комнаты.)

Двоеточие. Ну, что, дядя Влас? Разбередил барышню и доволен?

Влас (садится на нижнюю ступеньку у ног сестры). Надоела она мне. (Передразнивает.) Ах, я умираю с тоски... Я сказал ей: жить надо с людьми, умирать в одиночестве...

Рюмин (быстро). Вот! Это жестоко, но – вы правы... да! Так!

(Басов и Юлия Филипповна выходят на террасу.)

Варвара Михайловна (как бы про себя). Жизнь проходит в стороне от нас и не трогает сердца... а только волнует нашу мысль...

Басов. Варя, я распорядился, чтобы Саша накрывала для ужина здесь. (Суслов быстро идет от своей дачи.) Семен Семенович, мы устроим вам маленькие проводы... Выпьем шипучего! Предлог законный...

Двоеточие. Очень тронут...

Суслов. Юлия, на минутку...

Юлия Филипповна. Что такое?

(Суслов отводит жену и по дороге что-то шепчет ей. Она отшатнулась от него, остановилась. Он берет ее под руку и ведет направо, где они несколько минут тихо разговаривают и возвращаются к террасе после того, как Басов уходит.)

Басов. Я предложу вам, господа, колбасы... такая, знаете, колбаса! Мне прислал ее один клиент из Украины... А где же мой помощник? (Негромко.) Он же помощник мужа Юлии Филипповны...

Варвара Михайловна (возмущенно, тихо). Сергей! Как это гадко!

Басов (задорно). Но ведь это все знают, Варя! И ты напрасно так резко... Саша!.. (Идет в комнаты.)

Юлия Филипповна (злорадно). Дядя! А у Петра стена в тюрьме упала... раздавило двух рабочих!

Суслов (усмехаясь). Обрадовалась!..

Варвара Михайловна (пугливо). Что вы? Где это?

Суслов. В уезде.

Дачники. Максим Горький gorkiy.mos.ru
Двоеточие. Поздравляю! Эх... чадо! Ты на постройке-то бывал?

Суслов. Был... Это подрядчик, мерзавец.

Юлия Филипповна. Врет! не был ни разу... ему некогда!

Двоеточие. Пороть бы вашего брата!.. Экие люди! живут без действия...

Суслов (усмехаясь). А вот я застрелюсь... и будет действие.

Рюмин (отрицательно качая головой). Вы - не застрелитесь.

Суслов. А вдруг?

Варвара Михайловна. Как же, Петр Иванович... что же те, которых задавило... умерли?

Суслов (хмуро). Не знаю... завтра съезжу туда.

(Идет Ольга Алексеевна.)

Влас (громко ворчит). Экая мерзость!

Суслов (оскалив зубы). Тише, юноша, тише!

Ольга Алексеевна (подходя). Добрый вечер! Как вы сидите... точно птицы осенью... Я всех видела сегодня. Ах, Павел Сергеевич!.. Давно ли?

(Суслов снова отходит с женой в сторону и что-то говорит ей. Лицо у него злое. Юлия Филипповна насмешливо кланяется ему, идет обратно к террасе. Суслов, громко насвистывая, идет к своей даче. Двоеточие, посмотрев на Юлию Филипповну, идет за Сусловым.)

Рюмин. Только сегодня.

Ольга Алексеевна. И уже здесь? Вы хороший друг. Душно как! Скоро осень... Переедем мы в город и там, среди каменных стен, будем еще более далеки и чужды друг другу...

Влас (ворчит). Начинается нытье...

Басов (из двери на террасу). Павел Сергеевич, на минутку!

Ольга Алексеевна (Власу). Разве это не правда?

(Рюмин идет на зов. Навстречу ему Калерия и Шалимов. Влас, не отвечая Ольге Алексеевне, встает со ступеньки и идет к соснам.)

Шалимов (скудно, лениво). Ждут обновления жизни от демократии, но, спрошу вас, кто знает, что это за зверь - демократ?

Калерия (взволнованно). Да, да! Вы тысячу раз правы... Это еще зверь, варвар! Его сознательное желание одно - быть сытым.

Шалимов. И носить сапоги со скрипом.

Калерия. Во что он верует? В чем его культ?

Влас (раздраженно). А вы? Вы во что веруете? В чем ваш культ?

Калерия (не отвечая Власу). Жизнь обновляется людьми верующими... аристократией духа...

Влас. Кто эта аристократия? Где она?

Калерия. Я не хочу говорить с вами, Влас! Яков Петрович, идемте туда...

(Сходят с террасы, идут к елкам и там садятся, негромко разговаривая. Калерия

Дачники. Максим Горький gor.kiutaхim.ru
нервничает, Шалимов спокоен, движения ленивы, медленны, точно он сильно устал.)

Варвара Михайловна (подходя к Власу). Ты сегодня страшно нервен, Влас. ..

Влас (глухо). Мне тяжело, Варя...

Юлия Филипповна. Влас Михайлович, пойдите к реке...

Влас. Нет... извините... не хочется...

Юлия Филипповна. Ну, пожалуйста! Мне нужно что-то сказать вам...

Влас (нехотя). Хорошо, идемте. Что такое?

(Юлия Филипповна берет его под руку и что-то тихо говорит ему, идя в глубину сцены. Варвара Михайловна идет на террасу.)

Ольга Алексеевна (ловя руку Варвары Михайловны). Варя! Ты все еще сердишься?

Варвара Михайловна (задумчиво). Сержусь? Нет.

Влас (в глубине сцены, громко). Пошляк! Если бы он не был мужем сестры моей...

Юлия Филипповна. Ш-ш! (Увлекает его в лес.)

Варвара Михайловна (испуганно). Боже мой! Что такое?

Ольга Алексеевна. Вероятно, инженерша сплетничает. Варя, я ведь вижу ты сердишься! Ведь слово, сорвавшееся с языка в минуту раздражения...

Варвара Михайловна (задумчиво). Прошу тебя - оставь это! Я не люблю ничего заштопанного... и заштопанной дружбы...

Ольга Алексеевна (встает). Как ты злопамятна! Неужели нельзя забыть? Простить, наконец!

Варвара Михайловна (твердо, холодно). Мы слишком много прощаем... Это слабость... Она убивает уважение друг к другу... Есть человек, которому я очень много прощала... теперь я потеряла всякое значение в его глазах...

Ольга Алексеевна (после паузы). Ты говоришь о Сергее Васильевиче? (Варвара Михайловна не отвечает, тихо покачивая головой и глядя куда-то вперед.) Как быстро меняются люди! Я помню его студентом... какой он тогда был хороший! Беспечный, веселый бедняк... рубаха-парень - звали его товарищи... А ты мало изменилась: все такая же задумчивая, серьезная, строгая... Когда стало известно, что ты выходишь за него замуж, я помню, Кирилл сказал мне: с такой женой Басов не пропадет. Он легкомыслен и склонен к пошлости, но она...

Варвара Михайловна (просто). Зачем ты это говоришь, Ольга? Чтобы показать мне, что я сама - ничтожество?

Ольга Алексеевна. Варя! Как ты можешь думать это? Я просто так... я вспомнила...

Варвара Михайловна (негромко, очень ясно, как приговор себе). Да, я тоже бессильный, жалкий человек. Это ты хотела сказать? Я это знаю, Ольга, давно знаю!

Саша (на террасе). Варвара Михайловна, барин просит вас.

(Варвара Михайловна молча идет в комнаты.)

Ольга Алексеевна (идет вслед за Варварой Михайловной). Варя, послушай, ты не поняла!

Калерия (негромко). Человек, который думает, что истина открыта, - для меня умер! (Пауза. Шалимов курит.) Скажите, вам грустно жить?

Шалимов. Порою - очень.

Калерия. Часто?

Шалимов. Весело – никогда не живется. Я уже слишком много видел для того, чтобы веселиться. Да и время невеселое, скажу прямо.

Калерия (тихо). Жизнь каждого думающего человека – тяжелая драма.

Шалимов. Да... Скажите...

Калерия. Что?

Шалимов (встает). Скажите откровенно: вам нравятся мои рассказы?

Калерия (живо). Очень! Особенно последние... Они менее реальны, в них меньше грубой плоти! Они полны той мягкой, теплой грустью, которая окутывает душу, как облако окутывает солнце в час заката. Немногие умеют ценить их, но эти немногие горячо любят вас.

Шалимов (с улыбкой). Благодарю вас. Вы говорили о новых стихах... Не прочтаете ли?

Калерия. Хорошо. Потом как-нибудь. (Пауза. Шалимов молча наклоняет голову, соглашаясь с Калерией. Влас и Юлия Филипповна задумчиво идут из леса с правой стороны, приходят к соснам. Влас садится, облокотясь на стол, и тихо свистит. Юлия Филипповна идет в комнаты.) Хотите – сейчас?

Шалимов. Что – сейчас?

Калерия (печально улыбаясь). Забыли уже?... Как скоро!

Шалимов (хмурит брови). Позвольте... это...

Калерия (встает). Вы просили прочитать стихи... Хотите, сейчас прочитаю?

Шалимов (быстро). О да, прошу! Такой чудесный вечер... это будет славно. Вы ошибаетесь, я не забыл... просто задумался, не понял вопроса.

Калерия (идет в дом). Хорошо... Я читаю. Хотя вам ведь это совсем не интересно.

Шалимов (следя за ней). Это неправда, поверьте мне.

(Калерия быстро вбегает на террасу, Шалимов пожимает плечами и делает гримасу. Оглядывается, видит Власа. По дороге от дачи Сулова идут Двоеточие и Сулов. Оба сердитые, молчат.)

Шалимов (Власу). Мечтаете?

Влас (не грубо). Свищу.

(На террасу выходят: Ольга Алексеевна – садится в плетеное кресло около перил; Рюмин – становится сбоку, она что-то говорит ему негромко; Басов – останавливается у накрытого стола, рассматривает закуски. Варвара Михайловна стоит, прислонившись к колонне террасы. Замыслов перед ней.)

Басов. Все в сборе? А Влас? Марья Львовна?

Влас. Я здесь.

(Юлия Филипповна выходит из дачи, тихонько напевая, садится на ступеньки террасы.)

Замыслов. Мы все, Варвара Михайловна, люди сложные.

Басов (перегибаясь через перила). Отлично. Яков, ты здесь? Ага!

Замыслов. Именно эта сложность нашей психики и делает нас лучшими людьми страны

- сиречь интеллигенцией, а вы...

(Двоеточие стоит, слушая Замыслова. Суслов, взглянув на оратора, проходит под сосны, где молча сидят Шалимов и Влас. Из глубины сцены, с правой стороны идут Марья Львовна и Соня.)

Варвара Михайловна (нервно). Интеллигенция - это не мы! Мы что-то другое... Мы - дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим.

Басов (насмешливо). Особенно блестяще ты сама доказываешь правду твоих слов.

(Калерия выходит с тетрадкой в руке, останавливается у стола и слушает.)

Варвара Михайловна (нервнее). И страшно много лжи в наших разговорах! Чтобы скрыть друг от друга духовную нищету, мы одеваемся в красивые фразы, в дешевые лохмотья книжной мудрости... Говорим о трагизме жизни, не зная ее, любим ныть, жаловаться, стонать...

(Дудаков подходит к террасе и становится так, что жена не видит его.)

Рюмин (нервно). Надо быть справедливой! Жалоба человека красива. Жестоко это, Варвара Михайловна, сомневаться в искренности стонов человека.

Варвара Михайловна. Довольно жалоб, имейте мужество молчать! Надо молчать о своих маленьких печалях. Ведь мы умеем молчать, когда довольны днями нашей жизни? Каждый из нас поглощает свой кусок счастья в одиночестве, а горе свое, ничтожную царапину сердца мы выносим на улицу, показываем всем, и кричим, и плачем о нашей боли на весь мир! Мы выбрасываем вон из наших домов обедки наши и отравляем ими воздух города... вот так же мы выкидываем из наших душ все дрянное и тяжелое под ноги ближних. Я уверена, что сотни и тысячи здоровых людей погибают, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стонами... Кто дал нам злое право отравлять людей тяжелым видом наших личных язв?

(Пауза.)

Влас (негромко). Браво, Варя!

Двоеточие. Умница! Верно!

(Марья Львовна молча гладит руку Варвары Михайловны. Влас и Соня тоже около нее. Рюмин нервно встряхивает головой.)

Рюмин. Прошу слова! Позвольте мне сказать... мое последнее слово!

Калерия. Надо иметь мужество молчать...

Ольга Алексеевна (Басову). Как она стала говорить, смело... резко!..

Басов. Да, заговорила Валаамова... (Не кончив слова, испуганно закрывает себе рот рукой. Взволнованная Варвара Михайловна не заметила выходки мужа, но многие слышали и поняли ее. Замыслов быстро сходит с террасы к соснам и хохочет. Шалимов улыбается и укоризненно качает головой. Влас и Соня смотрят на Басова с презрением; остальные делают вид, будто ничего не заметили. После отрывочных замечаний, вызванных словами Варвары Михайловны, наступает неловкое молчание. Суслов кашляет, улыбаясь. Варвара Михайловна, замечая что-то неладное, растерянно осматривается.)

Варвара Михайловна. Я, кажется, сказала что-то... может быть, резкое, грубое? Отчего все так странно?..

Влас (громко). Это не ты сказала грубость...

Ольга Алексеевна (с невинным видом). В чем дело, господа?

Марья Львовна (быстро, негромко). Влас, пожалуйста, не надо! (Начинает говорить, чтобы затушевать выходку Басова. Потом увлекается, говорит сильно, горячо. Шалимов, Суслов и Замыслов демонстративно не слушают ее. Дудаков утвердительно

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru качает головой. Басов смотрит на нее с благодарностью и знаками приглашает слушать.) Мы все должны быть иными, господа! Дети прачек, кухарок, дети здоровых рабочих людей – мы должны быть иными! Ведь еще никогда в нашей стране не было образованных людей, связанных с массой народа родством крови... Это кровное родство должно бы питать нас горячим желанием расширить, перестроить, осветить жизнь родных нам людей, которые все дни свои только работают, задыхаясь во тьме и грязи... Мы не из жалости, не из милости должны бы работать для расширения жизни... мы должны делать это для себя... для того, чтобы не чувствовать проклятого одиночества... не видеть пропасти между нами – на высоте – и родными нашими – там, внизу, откуда они смотрят на нас как на врагов, живущих их трудом! Они послали нас вперед себя, чтобы мы нашли для них дорогу к лучшей жизни... а мы ушли от них и потерялись, и сами мы создали себе одиночество, полное тревожной суеты и внутреннего раздвоения... Вот наша драма! Но мы сами создали ее, мы достойны всего, что нас мучит! Да, Варя! Мы не имеем права насыщать жизнь нашими стенами.

(Она устала от волнения и садится рядом с Варварой Михайловной. Молчание.)

Дудаков (оглядывая всех). Вот!.. Это так! Это правда!

Ольга Алексеевна (быстро). Ты здесь? Поди сюда...

Шалимов (приподнимая шляпу). Вы кончили, Марья Львовна?

Марья Львовна. Да.

Ольга Алексеевна (отводит мужа в угол террасы). Ты слышал? Понял? Какой дурак Басов!

Дудаков (негромко). При чем тут Басов?

(На террасе общее движение. Варвара Михайловна смотрит на всех. Еще нет уверенности, что выходка Басова заглажена, забыта.)

Ольга Алексеевна. Тише! Варвара тут говорила такое злое, а он назвал ее Валаамовой ослицей.

Дудаков. Ну, и дубина он! Оля, там дома, знаешь...

Ольга Алексеевна. Подожди!.. Калерия хочет стихи читать. Нет, это хорошо все-таки, это хорошо! Варвара стала такая гордячка.

(Рюмин, подавленный, сходит с террасы и прохаживается около нее.)

Шалимов. Господа, вот Калерия Васильевна любезно согласилась прочитать свои стихи...

Басов. Читай, милая, скорее!

Калерия (смущенно). Хорошо, я прочитаю... хорошо.

Шалимов. Вам стул.

Калерия. Не надо. Варя, чему это я обязана? Такой интерес к моим стихам ужасает меня.

Варвара Михайловна. Я не знаю. Очевидно, кто-то сделал бестактность, и все стараются скрыть ее.

Калерия. Ну, я буду читать. Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Все поглощается бездонной трясинной нашей жизни...

Осени дыханием гонимы,

Медленно с холодной высоты

Падают красивые снежинки,

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Маленькие, мертвые цветы...

Кружатся снежинки над землею,
Грязной, утомленной и больной,
Нежно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой...
Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Белые, безмолвные снежинки
Падают с холодной высоты...

(Пауза. Все смотрят на Калерию, как будто ждут еще чего-то.)

Шалимов. Мило!

Рюмин (задумчиво).

Падают красивые снежинки,
Мертвые, холодные цветы...

Влас (возбужденно). Я тоже сочинитель стихов, я тоже хочу прочитать стихи!

Двоеточие (хохочет). А ну-ка!

Шалимов. Интересное состязание!

Варвара Михайловна. Влас, нужно ли это?

Замыслов. Если это весело – это необходимо!

Марья Львовна. Голубчик! Напомню вам – будьте самим собой!

(Все смотрят на возбужденное лицо Власа. Становится очень тихо.)

Влас. Господа! Я хочу показать вам, как это легко и просто – насорить стихами в голове ближнего своего... Внимание! (Читает ясно и сильно, с вызовом.)

Маленькие, нудные людишки

Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и – уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни.
Всё хотят дешевенького счастья,
Сытости, удобств и тишины,
Ходят и – всё жалуются, стонут,
Серенькие трусы и лгуны.
Маленькие, краденые мысли...
Модные, красивые словечки...
Ползают тихонько с краю жизни
Тусклые, как тени, человечки.

(Кончив, он стоит неподвижно и смотрит поочередно на Шалимова, Рюмина, Сулова. Пауза. Всем неловко. Калерия пожимает плечами. Шалимов медленно закуривает папироску. Сулов очень возбужден. Марья Львовна и Варвара Михайловна подходят к Власу, видимо, боясь чего-то.)

Дудаков (тихо, но внятно). Эт-то ужасно метко. Знаете... это ужасно верно!

Юлия Филипповна. Bravo! Это мне нравится!

Двоеточие. Ну, разнес!.. Ах ты... душа моя красная!

Калерия. Грубо... Зло... Зачем?

Замыслов. Не весело... Нет!

Шалимов. Тебе нравится, Сергей?

Басов. Мне? То есть, видишь ли, конечно, рифма слабая... Но - как шутка...

Замыслов. Для шутки это серьезно.

Юлия Филипповна (Шалимову). Ах, как вы ловко притворяетесь!

Сулов (желчно). Позвольте теперь мне, тусклому человечку, ответить на это... на этот... извините не знаю - как назвать этот род творчества. Вы, Влас Михайлович... я вам не буду отвечать... Я обращусь прямо к источнику вашего вдохновения... к вам, Марья Львовна!

Влас. Что такое? Вы! Смотрите!

Марья Львовна (гордо). Ко мне? Это странно... но я слушаю.

Сулов. Ничуть не странно, ибо мне известно, что именно вы - муза этого поэта.

Влас. Без пошлостей!

Юлия Филипповна (мягко). Без пошлостей он не может.

Сулов. Я просил бы не мешать мне... Когда я кончу, я отвечу, как вам будет угодно, за все, что скажу... Вы, Марья Львовна, так называемый идейный человек... Вы где-то там делаете что-то таинственное... может быть, великое, историческое, это уж не мое дело!.. Очевидно, вы думаете, что эта ваша деятельность дает вам право относиться к людям сверху вниз.

Марья Львовна (спокойно). Это неправда.

Сулов. Вы стремитесь на всех влиять, всех поучать... Вы настроили на обличительный лад этого юношу..

Влас. Что вы там мелете?

Сулов (зло). Терпение, юноша! Я до сего дня молча терпел ваши выходки!.. Я хочу сказать вам, что, если мы живем не так, как вы хотите, почтенная Марья Львовна, у нас на то есть свои причины! Мы наводнили и наголодались в юности; естественно, что в зрелом возрасте нам хочется много и вкусно есть, пить, хочется отдохнуть... вообще наградить себя с избытком за беспокойную, голодную жизнь юных дней...

Шалимов (сухо). Кто это мы, можно узнать?

Сулов (все горячее). Мы? Это я, вы, он, он, все мы. Да, да... мы все здесь - дети мещан, дети бедных людей... Мы, говорю я, много голодали и волновались в юности... Мы хотим поест и отдохнуть в зрелом возрасте - вот наша психология. Она не нравится вам, Марья Львовна, но она вполне естественна и другой быть не может! Прежде всего человек, почтенная Марья Львовна, а потом все прочие глупости... И потому оставьте нас в покое! Из-за того, что вы будете ругаться и других подстрекать на эту ругань, из-за того, что вы назовете нас трусами или

лентяями, никто из нас не устремится в общественную деятельность... Нет! Никто!

Дудаков. Какой цинизм! Вы перестали бы!

Суслов (все горячее). А за себя скажу: я не юноша! Меня, Марья Львовна, бесполезно учить! Я взрослый человек, я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель – и больше ничего-с! Вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... Я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи!

(Он нахлобучивает шляпу и быстро идет по направлению к своей даче. Общее недоумение. Замыслов, Басов и Шалимов отходят в сторону, оживленно и тихо разговаривая. Варвара Михайловна и Марья Львовна составляют отдельную группу. Юлия Филипповна, Двоеточие и Дудаков с женой тоже в одной группе. Общий нервный говор. Калерия, подавленная, одиноко стоит под сосной. Рюмин быстро ходит взад и вперед.)

Влас (отходит в сторону, схватив себя за голову). Черт меня возьми! Черт возьми!

(Соня идет за ним, говорит ему что-то.)

Марья Львовна. Да это истерия! Так обнажить себя может только психически больной!

Рюмин (Марье Львовне). Вы видите... вы видите, как ужасна правда?

Варвара Михайловна. Как это тяжело!

Двоеточие (Юлии Филипповне). Ничего не понимаю... ничего!

Юлия Филипповна. Марья Львовна, голубушка, скажите, он обидел вас, да?

Марья Львовна. Меня? Нет. Он себя обидел!

Двоеточие. Чудны дела ваши, господа хорошие!

Дудаков (жене). Подожди... (Двоеточию.) Это нарыв! Понимаете, прорвался нарыв в душе... Это у каждого из нас может быть... (Взволнованный, машет руками и, сильно заикаясь, не может говорить.)

Юлия Филипповна. Николай Петрович...

Замыслов (подходя к ней.) Вас это расстроило?

Юлия Филипповна. Нисколько... Но мне неудобно оставаться здесь. Проводите меня.

Замыслов. Как глупо, а? И жалко: патрон изготовил такой, знаете, съедобный сюрприз!

Юлия Филипповна. Оставьте! Довольно сюрпризов.

(Уходят.)

Шалимов (подходя к Калерии). Как это вам нравится?

Калерия. Это ужасно! Как будто тина поднялась со дна болота и душит меня, душит!..

(Басов подходит к Власу и молча берет его за рукав.)

Влас. Что вам угодно?

Басов (отводя его в сторону). На пару слов.

Рюмин (подходя к Варваре Михайловне, вне себя). Варвара Михайловна, этот ураган желчной пошлости смял мою душу... опрокинул... меня. Я ухожу... прощайте! Я пришел проститься с вами... Мне хотелось провести тихий вечер... последний вечер! Я ухожу навсегда. Прощайте!

Варвара Михайловна (не слушая его). Знаете, что я думаю? Мне кажется, Суслов искреннее всех вас. Да, да, искреннее! Он грубо сказал, но он сказал ту беспощадную правду, которую другие не смеют сказать!

Рюмин (отступая). Это всё? Это ваше прости? Боже мой! (Идет в глубину сцены.)

Басов (Власу). Ну, батенька, вы отличились! Как же теперь? Вы оскорбили мою сестру... и Якова, который... он писатель! Всеми уважаемый! К тому же Суслов. .. наконец, Рюмин! Вам надо извиниться...

Влас. Что-о? я? Извиняться? Перед ними?

Басов. Ну, что же, это ничего! Ну, скажите: просто, мол, хотел пошутить, развеселить и – пересолил... Вас извинят, все привыкли к вашим выходкам... все ведь знают, что вы, в сущности, комик.

Влас (кричит). Ступайте к черту! Вы сами комик. Вы шут гороховый!

Соня. Господа! Пощадите!

Варвара Михайловна. Влас, что ты?

Марья Львовна. Да это волна безумия...

Двоеточие. Влас, вы, того, уйдите!

Басов. Нет, позвольте, я тоже оскорблен.

Варвара Михайловна. Сергей, прошу тебя! Влас!

Басов. Нет-с! я не шут гороховый!

Влас. Только уважение к сестре не позволяет мне сказать вам...

Варвара Михайловна. Влас, не смей...

(Калерия подходит.)

Саша (Варваре Михайловне). Подавать кушать?

Варвара Михайловна. Уйдите!

Саша (негромко Двоеточию). Уж лучше бы подать! Барин увидят кушанье на столе и перестанут сердиться.

Двоеточие. Пошла ты прочь!

Басов (Власу). Нет-с, я прошу вас! (Вдруг свирепо орет на Власа.) Вы мальчишка!

Калерия. Сергей, это дико!

Басов. Он мальчишка! Да! Это факт!

Шалимов (берет Басова под руку и уводит на дачу. Саша идет сзади). Ну, перестань же!

Марья Львовна. Влас Михайлович! Эх, как вы!

Влас. Разве я виноват? Разве я?

Саша. Барин! Ужинать подавать?

Басов. Идите прочь! Я здесь ничто. Меня в моем доме... (Входит в комнаты:)

Марья Львовна (Соне). Уведи его к нам. (Власу.) Уйдите, голубчик!

Влас. Вы простите меня, простите! И ты, сестра, прости! Я виноват. Несчастливая

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
моя сестренка! Уйди отсюда! Уходи!

Варвара Михайловна (негромко). Куда? Куда я уйду?

Двоеточие. А вот ко мне бы, право! Как бы это хорошо!

(Его слов никто не слышит. Он тяжело вздыхает и тихо идет к даче Суслова.)

Марья Львовна. Идите и вы ко мне, Варя, идите!

Варвара Михайловна. Я приду... Влас. .. после... приду...

(Варвара Михайловна идет на дачу. Марья Львовна за ней. Влас и Соня уходят в лес. Калерия, разбитая, шатаясь, тоже уходит на дачу.)

Ольга Алексеевна. Вот так скандал! И как всё это вдруг! Ты понимаешь что-нибудь, Кирилл?

Дудаков. Я? понимаю! да! Когда-нибудь мы все должны были опротиветь друг другу!.. И вот опротивели! Влас, он метко попал, Ольга! Он попал! Но надо тебе идти домой.

Ольга Алексеевна. Подожди! Это так интересно! Может быть, еще что-нибудь будет.

Дудаков. Э, Ольга, это же нехорошо! И надо идти домой... Там все кричат, плачут. Волька обругал няньку, она сердится, а он говорит, что она его за ухо дернула... И вообще там катастрофы. Я давно уже говорю тебе надо идти домой.

Ольга Алексеевна. Неправда! Ты не говорил!

Дудаков. Говорил же! Вон там мы стояли, ты что-то рассказывала о Басове, и я тебе сказал.

Ольга Алексеевна. Ты ничего не сказал мне, Кирилл!

Дудаков. Я не знаю, о чем ты споришь? Я же помню: иди домой, - сказал я...

Ольга Алексеевна. Ты не мог мне сказать: иди домой! Так говорят только детям и прислуге.

Дудаков. Ольга! Ты вздорная женщина!

Ольга Алексеевна. Да? Как тебе не стыдно, Кирилл! Ты обещал мне быть сдержанным.

Дудаков (идет прочь от нее). Не говори! Это... это глупо! Это бабство!

Ольга Алексеевна (следуя за ним). Глупо, Кирилл? Я - баба? (Со слезами.) Так, благодарю!

(Они скрываются в лесу. Несколько секунд сцена пуста. Темнеет. Из комнат на террасу выходят Басов и Шалимов.)

Шалимов (Басову). Мой друг, надо быть немножко философом! Смешно горячиться из-за пустяка...

Басов. Ведь досадно! Мальчишка! Молокосос! Ты уж не сердись! а?

Шалимов. Такие выходы, как выходка этого... куплетиста из неудачных... ежедневно встречаются в уличных газетах. Но, мой друг, кого же они трогают?

(Сходят с террасы и стоят у сосны, быстро подходит Суслов.)

Суслов. Сергей Васильевич! Я воротился... я понимаю, что должен извиниться перед тобой (Шалимову) и перед вами. Я не сдержался... Но меня давно возмущала она... Она и подобные ей - органически противны мне... Я ненавижу ее лицо, ее манеру говорить.

Басов. Понимаю, батя, очень хорошо понимаю! Человек должен быть мягок,

деликатен.

Шалимов (сухо). Но выхватили через край вашей характеристикой... да-с...

Басов (торопливо). Э, полно! Я подпишусь подо всем, что он сказал, ей-богу! А эту барыню я бы, откровенно говоря... так бы...

Суслов. Все женщины – актрисы, вот в чем дело! Русские женщины по преимуществу драматические актрисы... всё героинь хотят играть...

Басов. Н-да-а, женщины... трудно с ними жить!

(Варвара Михайловна и Марья Львовна выходят на террасу.)

Шалимов. Мы сами создаем эти трудности. Нам нужно сказать себе, что женщины – это всё еще низшая раса.

Басов (как бы говоря чужими словами). Конечно... да, друг ты мой. Женщины ближе нас к зверю. Чтобы подчинить женщину своей воле – нужно применять к ней мягкий, но сильный и красивый в своей силе, непременно красивый, деспотизм.

(В лесу, на правой стороне, раздается выстрел. На него не обращают внимания.)

Суслов. Просто нужно, чтобы она чаще была беременной, тогда она вся в ваших руках.

Варвара Михайловна (негромко, сильно). Какая гадость!..

Марья Львовна. Боже мой, это разложение какое-то! Точно трупы загнили... Идите, Варя, отсюда!

(Суслов тихо идет прочь и сухо кашляет.)

Басов (торопливо бросаясь к жене). Это ты, Петр, того... Это уж ты перехватил... пересолил!

Варвара Михайловна (Шалимову). Вы! Вы!

Шалимов (снимая шляпу, пожимает плечами). Что же я?

Марья Львовна. Идите скорее, Варя!.. Идите прочь. (Увлекает Варвару Михайловну за собой. Басов растерянно смотрит вслед им.)

Басов. Черт возьми!.. Подслушали... ах ты!

Шалимов (усмехаясь). Ну, брат... плохой ты товарищ.

Басов (огорченный, тревожно). Угораздило его... черта!.. Этакое желчное чудовище!.. Разве такие вещи говорят так неосторожно? Ф-фу!

Шалимов (сухо). Завтра я уеду. Здесь свежо и сыровато... иду в комнаты.

Басов (уныло). А там сестра ревет! Это факт!..

(Уходят. Тихо. Пустобайка и Кропилкин выходят из-за дачи Басова, оба тепло одетые, с трещотками и свистками. С дачи Суслова доносятся аккорды рояля. Потом Юлия Филипповна и Замыслов поют дуэт: "Уже утомившийся день".)

Пустобайка. Ну, ты пойдешь на тот участок, а я обойду этот, покажемся, а потом в кухню, к Степаниде чай пить!

Кропилкин. Рано мы вышли... никто еще не спит.

Пустобайка. Для видимости надо походить. Ну, иди...

Кропилкин (идет налево). Пошел... Эх, господи!

Пустобайка. Сору-то сколько... черти! Вроде гуляющих, эти дачники... появятся,

Дачники. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
насорят на земле – и нет их... А ты после ихнего житъя разбирай, подметай.

(Громко, с досадой стучит трещоткой и свистит. Кропилкин отвечает свистом. Пустобайка уходит. Калерия выходит и садится под соснами, печальная, задумчивая. Прислушивается к пению, покачивая головой, тихо подпевает. С правой стороны в лесу раздаётся голос Пустобайки.)

Пустобайка (громко, тревожно). Кто такой? Чего? Ах ты, сделай милость!

(Калерия пугливо прислушивается.)

Пустобайка (ведет под руки Рюмина). К Басову, что ли?

Калерия. Сергей! Сергей!..

Рюмин. Доктора... прошу вас!

Калерия. Павел Сергеевич! Вы? Что с вами? Что с ним?

Пустобайка. Я иду, а он – ползет встречу... по земле... говорит ранен...

Калерия. Вы ранены? Сергей, к Марье Львовне! Скорее доктора...

Басов (выбегая). Что ты? Что это?

Рюмин. Простите меня.

Калерия. Кто вас ранил?

Пустобайка (ворчит). Кому здесь ранить человека? Не иначе – сам себя. Пистолет – вот он... (Вынимает из пазухи револьвер и спокойно, внимательно рассматривает его.)

Басов. Это вы? А я думал – Замыслов... я думал, Петр его... (Быстро убегает и кричит.) Марья Львовна!

Шалимов (в пледе). Что... это кто? Что случилось?

Калерия. Вам очень больно?

Рюмин. Мне стыдно... стыдно мне!

Шалимов. Может быть, это не опасно?

Рюмин. Уведите меня отсюда... Я не хочу, чтобы она видела... уведите меня! Прошу вас!

Калерия (Шалимову). Да идите же... зовите...

(Шалимов идет к даче Сулова. Шум бегущих людей, отрывочные возгласы. Являются: Марья Львовна, Варвара Михайловна, Соня, Влас.)

Марья Львовна. Вы? эх!.. Соня, помогай! Снимай пиджак... спокойно, не волнуйся...

Варвара Михайловна. Павел Сергеевич...

Рюмин. Простите меня! Я должен был сразу... но когда у человека сердце маленькое и сильно бьется, – в него трудно попасть пулей.

Варвара Михайловна. Зачем? Зачем вы?..

Калерия (Рюмину, истерически кричит). Это жестоко! (Спохватившись.) Что я говорю! Простите!

Влас (Калерии). Уйдите, вам вредно... уйдите, голубчик! (Идет к соснам. Бегут: Сулов, Двоеточие в одном жилете и пальто, накинутом сверху, без шляпы; потом Замыслов и

Юлия Филипповна, Дудаков, растрепанный, раздраженный, Ольга Алексеевна, робкая, растерянная.)

Марья Львовна. Ага! Вот где!.. Ну, кажется, это пустяки!

Рюмин. Идут сюда... Варвара Михайловна, дайте мне вашу руку.

Варвара Михайловна. Зачем все это?

Влас (сквозь зубы). Черт тебя возьми... с твоею любовью!

Калерия (громко шепчет). Не смейте так! Не добивайте умирающих.

Марья Львовна (Варваре Михайловне). Вы уйдите-ка, уйдите! А вы, сударь, не волнуйтесь, рана пустяковая... А вот доктор.

Дудаков. Н-ну, что? Рана?.. Ну, плечо?.. И кто же это стреляет себя в плечо? Надо в левый бок... в череп... если это серьезно.

Марья Львовна. Кирилл Акимович, что вы говорите?

Дудаков. А... да! Извините! Ну... перевязали? Что же?.. Несите его...

Басов. Несите к нам... к нам, Варя?

Рюмин. Не нужно... Я могу идти.

Дудаков. Можете? И превосходно.

Рюмин (идет шатаясь, Басов и Суслов держат его). Да... вот, жил неудачно и умереть не сумел... жалкий человек!

(Его уводят в комнаты. Дудаков провожает.)

Юлия Филипповна. Он прав...

Замыслов (уныло). Какой печальный водевиль!

Пустобайка (Двоеточию). Это я привел господина.

Двоеточие. Ага... хорошо!

Пустобайка. Мне бы за беспокойство на водку надо получить с кого-нибудь.

Двоеточие (укоризненно). Какой ты, брат, несуразный! (Дает ему денег.)

Пустобайка. Спасибо.

Калерия (Варваре Михайловне). Он умирает? Это должна была сделать я; так, Варя?..

Варвара Михайловна. Молчи... не надо! (Истерически.) Какие все мы противные... О! Почему?

Шалимов (Марье Львовне). Что... очень опасная рана?

Марья Львовна. Нет...

Шалимов. Гм... неприятный случай!.. Варвара Михайловна, позвольте...

Варвара Михайловна (вздрагнув). Что такое?

Шалимов. Назад тому несколько минут вы слышали слова...

(Выходят Басов, Суслов и Дудаков.)

Басов. Ну, положили мы его.

Варвара Михайловна. Оставьте! Я не верю... не хочу объяснения! Я ненавижу всех вас неиссякаемой ненавистью. Вы – жалкие люди, несчастные уроды!

Влас. Подожди, сестра, – это я скажу... я знаю: вы – ряженные! Пока я жив, я буду всегда срывать с вас лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь... вашу пошлость... нищету ваших чувств и разврат мысли!

(Шалимов, пожимая плечами, отходит в сторону.)

Марья Львовна. Перестаньте! Это бесполезно!

Варвара Михайловна. Нет. Пусть эта люди слушают. Я дорого заплатила за мое право говорить с ними откровенно! Они изуродовали душу мою, они отравили мне всю жизнь! Разве такой я была? Я не верю... я ни во что не верю! У меня нет сил... мне нечем жить! Разве такой я была!

Юлия Филипповна (с тоской). Это и я скажу! Это и я могу сказать!

Ольга Алексеевна (мужу). Смотри на Варвару, на лицо ее... видишь, какая она злая!..

(Дудаков отстраняет жену рукой.)

Басов. Варя, полно! Разве нельзя все это иначе? Ну, что такое? Ну, глуп этот Рюмин. .. стоит ли из-за него...

Варвара Михайловна. Поди прочь, Сергей.

Басов. Друг мой...

Варвара Михайловна. Я никогда не была твоим другом... и ты моим... никогда! Мы были только мужем и женой. Теперь мы чужие. Я уйду!

Басов. Куда? Ну, как не стыдно, Варя! При людях, на улице!

(В глубине сцены неподвижно стоит Суслов.)

Варвара Михайловна. Здесь нет людей...

Марья Львовна. Уйдемте, Варя...

Юлия Филипповна. Ах, не мешайте ей! Пусть она скажет.

Двоеточие (горестно). Э-эх, господа! душу вы мне расстроили... эх, господа!

Калерия (Марье Львовне). послушайте, что же это такое? что это?

Марья Львовна. Успокойтесь! Помогите мне увести ее.

Варвара Михайловна. Да, я уйду! Дальше отсюда, где вокруг тебя все гниет и разлагается... Дальше от бездельников. Я хочу жить! Я буду жить... и что-то делать... против вас! Против вас! (Смотрит на всех и кричит с отчаянием.) О, будьте вы прокляты!

Влас. Иди, сестра. Не надо, будет! (Ведет ее под руку прочь.)

Басов (Шалимову). Да помоги же мне прекратить все это!

Шалимов (спокойно, с усмешкой). Дай ей холодной воды... чего же больше?

Юлия Филипповна (подходит к Варваре Михайловне). Ах, если бы и я могла уйти!

Басов. Варя! Ну, куда ты? Марья Львовна, это нехорошо. Вы – врач, вы должны успокоить.

Марья Львовна. Отстаньте от меня!

Дачники. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Двоеточие (Басову). Эх, вы, злодей невинный! (Идет вслед за Варварой Михайловной и Власом в лес направо.)

Калерия (рыдая). А я! А мне – куда же?

Соня (подходит к ней). Идите к нам... идите. (Уводит Калерию.)

Юлия Филипповна (спокойно и как-то зловеще). Ну, Петр Иванович!.. Идем... продолжать нашу жизнь...

(Суслов молча оскалил зубы и идет.)

Басов. Что же это такое? С ума, что ли, все сошли? Этот Рюмин! Вот болван, а? Это всё его дурацкие нервы!.. Яков, что ты молчишь? Что ты смеешься? Ты думаешь, это несерьезно? Так неожиданно! Бум – и все полетело к черту! Что же теперь делать?

Шалимов. Мой друг, успокойся! Все это только риторика на почве истерии... поверь мне! (Берет Басова под руку и ведет его на дачу. Дудаков, заложив руки за спину, выходит из комнат и медленно идет направо; там его молча ждет жена, неподвижно стоя под деревьями.)

Басов. Ах... черт побери!

Шалимов (с усмешкой). Успокойся... видишь – вон Сусловы пошли продолжать свою жизнь... пойдём и мы спокойно продолжать нашу...

Ольга Алексеевна. Кирилл... он умрет?

Дудаков (угрюмо). Нет... Идем... Никто не умрет...

(Идут в лес.)

Шалимов. Все это, мой друг, так незначительно... и люди и события... Налей мне вина!.. Все это так ничтожно, мой друг: (Пьет. В лесу тихо и протяжно свистят сторожа.)

Занавес

1904 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!